

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ АКАДЭМІЯ НАВУК БЕЛАРУСІ  
Цэнтральная научная бібліятэка імя Якуба Коласа



# ФРАНЦЫСЬК СКАРЬИНА

АСОБА, ДЗЕЙНАСЦЬ, СПАДЧЫНА

---

*Укладальнік Аляксандр Груша*



Мінск  
«Беларуская навука»  
2017

УДК [655.11(476)(092)+929Скарына](082)

ББК 7610(4Беи)я43

Ф83

Рэдакцыйная калегія:

Л. А. Аўгуль, У. І. Васільеў, Г. Я. Галенчанка, А. І. Груша (старшыня),  
А. М. Дрозд, А. А. Каваленя, Г. І. Кавальчук, І. Л. Капылоў,  
І. В. Лямешкін, С. Нарбутас, А. В. Сцефановіч, А. І. Цітавец

Рэцензыенты:

доктар гісторычных навук, прафесар В. Ф. Голубеў,  
кандыдат гісторычных навук А. Б. Доўнар

**Францыск Скарына: асоба, дзейнасць, спадчына / Цэнтр. навук. б-ка  
Ф83 імя Якуба Коласа Нац. акад. навук Беларусі ; уклад. Аляксандр Груша ;  
рэдкал.: Л. А. Аўгуль [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2017. – 295 с.  
ISBN 978-985-08-2151-5.**

Зборнік артыкулаў прысвечены асобе, дзейнасці і спадчыне Францыска Скарыны –  
ураджэнца Полацка, доктара медыцыны, першадрукара Вялікага Княства Літоўскага,  
перакладчыка і выдаўца Бібліі, пісьменніка. Аўтары кнігі прадстаўляюць не толькі  
розныя краіны, але і розныя галіны гуманітарных ведаў, навуковыя інтарэсы, нацыяналь-  
ныя і навуковыя школы, розныя падыходы ў даследаваннях. У артыкулах разгледжаны  
перадумовы дзейнасці Скарыны, тыпы і моўная мадэль яго перакладаў кніг Бібліі, зна-  
чэнне асобных сімвалічных выяў Скарыны, месцаходжання яго друкарні ў Празе,  
паходжанне інфармацыі абмагчымай паездцы Скарыны ў Москву, іншыя пытанні.

Разлічаны на прафесійных даследчыкаў, выкладчыкаў і студэнтаў, а таксама ўсіх  
тых, хто цікавіцца асобай, дзейнасцю і спадчынай Францыска Скарыны.

УДК [655.11(476)(092)+929Скарына](082)

ББК 7610(4Беи)я43

**ISBN 978-985-08-2151-5**

© Цэнтральная навуковая бібліятэка імя Якуба Коласа  
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, 2017

© Афармленне. РУП «Выдавецкі дом «Беларуская  
навука», 2017

## ЗМЕСТ

Спіс скарачэння	7
<i>Груша Аляксандар.</i> Ад укладальніка	8
<i>Циценене Рима.</i> Традиции письменности Великого Княжества Литовского до начала XVI в.	12
<i>Нарбутас Сигитас.</i> «Бывлия Руска» и её современники – первые печатные издания Великого Княжества Литовского	27
<i>Ковальчук Галина.</i> Исследования творческого наследия Ф. Скорины украинскими учёными XIX – начала XX в.	49
<i>Шутова Ольга.</i> «Уликовая» парадигма в историографии: новые возможности исследования биографии Франциска Скорины	74
<i>Бразгуной Алесь.</i> Біблія Скарыны ў кантэксце перакладаў XVI ст.: тэкстала-гічны аспект	103
<i>Будзько Ірына.</i> Лінгватэксталогія пражскіх выданняў Францыска Скарыны	121
<i>Темчин Сергей.</i> Тау-крест в треугольнике на гравюрном портрете Франциска Скорины	146
<i>Лемешкин Илья.</i> Библия Пражская (1488) и <i>Библия руска</i> Франциска Скорины. Место печатания	154
<i>Бондар Наталія.</i> Рецепция книг «Библии Руской» Ф. Скорины в украинской книжной культуре XVI–XVII стст. на примере конволюта печатных и рукописных текстов из собрания П. Н. Попова	195
<i>Нарбутене Даіва.</i> Книгопечатание в Великом Княжестве Литовском после Франциска Скорины	212
<i>Киреева Галина.</i> История одного экземпляра «Малой подорожной книжки»	223
<i>Глеб Марына, Крэнт Дзмітрый, Сыцько Кірыл.</i> Падрыхтоўка да юбілеяў беларускага кнігадрукавання ў 1925 і ў 1967 гг. (документы з Цэнтральнага навуковага архіва НАН Беларусі і Цэнтральныя навуковай бібліятэкі імя Якуба Коласа НАН Беларусі)	231
Звесткі пра аўтараў	295



УДК 093(437.1)(091)“1488”+094(476)(091)“1517/1520”+655.11(476)Скорина

Илья Лемешкин

## БИБЛИЯ ПРАЖСКАЯ (1488) И БИВЛИЯ РУСКА ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ. МЕСТО ПЕЧАТАНИЯ

Предметом внимания в настоящей статье становятся колофоны пражских изданий Ф. Скорины 1517–1520 гг. Их сравнительный анализ показывает, что издатель был щепетильно точен при обозначении места издания. Словосочетание «в Старом городе Пражском» Ф. Скорина использует до августа 1518 г., позднее вводит обозначение «в Великом городе Пражском». Данная особенность была предопределена актуальными историческими событиями: объединением Старого и Нового городов в Великий город Праги 30.VIII.1518. Прослеживаются другие примеры возможного влияния (на иллюстративный аппарат книги) исторической обстановки. Особое внимание уделяется локализации типографии. Печатание Библии Русской происходило в съёмной книгопечатной мастерской, которая в то время находилась в собственности купца Северина († 1519/20). После смерти отца Павел Северин мог разорвать договорённость об аренде, тем самым предопределив окончание книгоиздательской деятельности Ф. Скорины в Праге. Приводятся аргументы, свидетельствующие, что Ф. Скорина не был единственным съёмщиком книгопечатной мастерской. В период 1517–1519 гг. он здесь пересекался с «Печатником Пражской Библии» и еврейским книгопечатником Гершомом Коэном. Высококачественную продукцию упомянутых лиц роднит множество стилистических и полиграфических особенностей. Особая взаимосвязь на уровне колофонов прослеживается между «Печатником Пражской Библии» и Ф. Скориной. Колофон Пражской Библии 1488 г. оказал серьёзное и многостороннее влияние на паратекст Библии Русской. Это позволяет прийти к выводу: в процессе подготовки библейского текста Ф. Скорина исходил не из палеотипа 1506 г., т. е. не из Венецианской Библии (как до сих пор принято считать), а из пражской инкунабулы 1488 г. Первое издание Библии на чешском (и вообще славянском) языке Ф. Скорине должно было быть прекрасно известно и доступно: по тиражу, который к тому моменту мог всё ещё находиться в книгопечатне Северина, и по непосредственным контактам с «Печатником Пражской Библии». Отдельно рассматривается судьба дома «У наполовину золотого месяца», в котором начиная с 1484–1488 гг. в течение многих десятилетий функционировал «печатный дом» Северина. Немногочисленные сохранившиеся чертежи и изображения позволяют реконструировать рабочее пространство книгопечатни конца XV и первой четверти XVI в.

*Ключевые слова:* Ф. Скорина, Прага, колофоны, типография, Библия Руска, Пражская Библия 1488 г.

This article focuses on the colophons of F. Skaryna's Prague editions from 1517 to 1520. A comparative analysis of them indicates that the publisher was meticulous in identifying the origin of each colophon edition. The phrase, «in the Old City of Prague» which Skaryna used until August of 1518, was eventually amended to be known as, «in the Great City of Prague». This amendment was predetermined by actual historical events such as the unification of the Old and New Cities into the Great City of Prague on the 30th of August 1518. Other examples of influence of this historical

situation on the illustrative style of the book are traced. Particular attention has been paid to locating the printing house where Skaryna's colophons were first created. The printing of Skaryna's Ruthenian Bible in the year 1519, as an example, took place in a rented printing shop that was owned by the merchant Severin. After the death of his father, Pavel Severin could break the lease agreement, thereby, ending book publishing activities of Skaryna in Prague. Arguments have been made that Skaryna was not the only tenant of the printing shop. At some point during the years of 1517 to 1519 Skaryna met with «The printer of the Prague Bible», and the Jewish book-printer, Gershom Cohen, whose high-quality products possessed many stylistic and polygraphic features. Special correlation at the level of the colophons is traced between the printer of the Prague Bible and F. Skaryna. The colophon of the Prague Bible of 1488 had a serious and multilateral influence on the paratext of the Ruthenian Bible. This allows us to conclude, that in the process of preparing the biblical text, F. Skaryna proceeded not from the palaeotype of 1506, that is not from the Venice Bible (as it is still believed), but from the Prague incunabula of 1488. The first edition of the Bible in Czech (and generally in the Slavic language), was perfectly known and readily available to Skaryna, due to the number of printed copies that were available in Severin's printing shop and by the established link with the printer of the Prague Bible. Additionally, this article describes the fate of the house, «At half a golden moon», where Severin's printing shop was located and had been functioning from 1484–1488 and for many decades after. A few preserved drawings and images allow us to restore the workplace of the printing house of the end of the XV and of the first quarter of the XVI centuries.

*Keywords:* F. Skaryna, Prague, colophons, printing shop, Ruthenian Bible, Prague Bible of 1488.

Колофоны пражских ветхозаветных изданий, содержащие привычный набор выходных данных, последовательно знакомят с местом, где Франциск Скорина с 1517 г. занимался издательской деятельностью:

Псалтырь (6 VIII 1517):

встаромъ мѣстѣ пражскомъ

Книга Иова (10 IX 1517):

встаромъ мѣстѣ пражскомъ

Книга притчей Соломоновых (6 X 1517):

въславномъ старомъ мѣстѣ пражскомъ

Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова (5 XII 1517):

въславномъ старомъ мѣстѣ пражскомъ

Книга Екклезиастес, или Соборник (2 I 1518):

въславномъ старомъ мѣстѣ пражскомъ

Книга Песни Песней Соломона (9 I 1518):

въѣликомъ старомъ мѣстѣ пражскомъ

Книга Премудрости Божией (19 I 1518):

въславномъ старомъ мѣстѣ пражскомъ

Четыре книги Царств (10 VIII 1518):

въѣликомъ старомъ мѣстѣ пражскомъ

Книги Иисуса Навина (20 XII 1518):

въѣликомъ мѣстѣ пражскомъ

Книга Иудифь (9 II 1519):

въѣликомъ мѣстѣ пражскомъ

Книга Судей Израилевых (15 XII 1519):

въѣликомъ мѣстѣ пражскомъ

Книга Руфь (1519):

въѣликомъ мѣстѣ пражскомъ

Книга Эсфири (1519):

въѣликомъ мѣстѣ пражскомъ

Книга Плач Иеремии (1519):

встаромъ мѣстѣ пражскомъ

Книга пророка Даниила (1519):

въѣликомъ мѣстѣ пражскомъ

Книга Бытия (1519):

въѣликомъ мѣстѣ пражскомъ

Книга Второзаконие (1519):

въѣликомъ мѣстѣ пражскомъ

Книга Исход (предположительно 1520):

въславномъ вѣликомъ мѣстѣ пражскомъ

Книга Левит (предположительно 1520):

въѣликомъ мѣстѣ пражскомъ

Книга Числа (предположительно 1520):

въѣликомъ мѣстѣ пражскомъ

Город пражский называется «славным» (5 случаев использования), «старым» (9) и «великим» (13), причём в изданиях 1517–1518 гг. преобладает обозначение *старомъ*, а в более поздних публикациях – *великомъ*. Данная особенность словоупотребления предопределила ошибочную интерпретацию, будто бы в последних изданиях «географическая привязка отсутствует» [3, с. 227]. На самом деле это не так.

При обозначении места издания Ф. Скорина изредка использует факультативный украшающий эпитет *славномъ*. Благодаря этому появляется определённый (возможно, что и вполне преднамеренный) параллелизм: доктор Франциск *изъславнаго града полоїка* трудится *въславномъ мѣсте пражскомъ*. В пределах колофона данный украшающий эпитет неизменно сопровождает облигаторное логическое определение: *славномъ старомъ* или *славномъ великомъ*. Прилагательные *старомъ* и *великомъ* использованы здесь как *epitheton necessarium*. В связке с определяемым словом (*мѣсте*) они образуют устойчивое словосочетание, которое выполняет не эстетическую, а информативную функцию. Словосочетания *въвеликомъ мѣсте* и *въстаромъ мѣсте*, будучи топонимами, без всякого сомнения, обозначают не отвлечённо-идеализированный, а вполне определённый город Праги.

Вкратце рассмотрим историю пражской агломерации, которая нам объяснит появление и использование вышеприведённых обозначений.

Древнейший пражский город был основан на правом берегу Влтавы во времена правления (1230–1253) короля Вацлава I. В документах 1233, 1245, 1249, 1253 гг. он фигурирует без каких бы то ни было уточняющих определений как *civitas Pragensis* [8, с. XII]. В 1257 г. Пршемысл Отакар II на противоположном берегу Влтавы основал второй пражский город, который получил название «Нового» или «Малого» (*nova civitas sub castro Pragensi, Minor civitas Pragensis; Kleine Stadt zu Prage; ныне – Malá Strana*). Первоначальный правобережный город, соответственно, начали именовать «Старым», «Великим» или «Большим» (*Antiqua civitas Pragensis, Major civitas Pragensis; Alte, Grosse, Grössere stat zu Prage; Staré město pražské, Velké, Větší město*). Данный способ номинации был широко распространён до середины XIV в. В качестве наглядного примера такого словоупотребления укажем, например, на указ от 4 апреля 1347 г., в котором Карл IV «славный Большой город пражский» (*hochgeczirt vnser Groser stat zu Prage*) характеризует как «главу нашего чешского королевства» [8, с. 73, № 48].

Упомянутый выше указ короля Чехии и императора Священной Римской империи взаимосвязан с появлением третьего по очереди пражского города. 8 марта 1348 г. Карл IV подписал соответствующий указ, а 26 числа того же месяца собственноручно заложил краеугольный камень в основание оборонительных сооружений «Нового города» (*Nova Civitas; Prager Neustadt; Nové Město*). Территория нового Нового города в 2,5 раза превзошла Старый город, однако это не привело к полному замещению определения *Velké* «великое». Традиционный топоним в качестве синонима и далее использовался при обозначении древнейшего ядра пражской агломерации. Таким образом, в период

с 1257 г. и до середины XIV в. действовала бинарная семантическая оппозиция: «Малый» или «Новый» город (левобережный) <=> «Великий» или «Старый» город (правобережный). Градостроительная деятельность Карла IV предопределила появление тернарной вариабельной оппозиции: «Малый» (левобережный) <=> «Старый» или «Великий» <=> «Новый», которая, за исключением компонента «Великий», действует вплоть до наших дней.

Итак, Старый город пражский когда-то называли Великим. Для нас же сейчас принципиально важным является то, что ко времени печатания Библии Русской данный способ номинации не вышел из оборота. Чтобы в этом наглядно убедиться, достаточно просмотреть издания первой четверти XVI в. (далее приводим сведения колофона и титул некоторых публикаций):

1507 г. *Maiori luculent Pragensi in Vrbe. Nicolaus de Lacu – O naybijednieyffym stawu welikych Panuow Lutzya[na]* (Knihopis č. 4994)<sup>1</sup>.

1511 г. *w wietffyem miestie pražskeem v matky božye na Lužy – Lactancia Firmiana naykraťsye kniehy...* (Knihopis č. 18367).

1515 г. *W welikém Miestie Pražském... v Matky Božíj na Lužy – Dyalogus w kteremž Czech s Pikhartem rozmluwá že sú se Bratržij Waldenſtij wſſetečne / a ſſkodliwie od obú stran oddělili* (Knihopis č. 4273).

1515 г. *In maiori Praga – Sgezd Cyfarzſke welebnosti w Wijdni a na Jaſneyffych tržij Králúo gich milostij W kterémž se mnoho diwného y paměti hodného pokládá* (Knihopis č. 1666).

1516 г. *W welikém méstie pražském... v matky Božíj na Lužy – Enea Siluia Poethy o Štiftstij y diwný u vžutečný Sen* (Knihopis č. 13887).

1516 г. *In Maiori Praga – Žrcadlo Mudroſti ſwateho Czrhy Biſkuppa / w gehožto podo- benſtwijch wſſeliké Maúdroſti Žrcadlo ſe ſwiftij ſſtaſtne ſe poczijná* (Knihopis č. 1717).

Вышеперечисленные книги издал Микулаш Конач (Mikuláš Konáč z Hodiskova, 1482–1546), типография которого до 1521 г. располагалась в Старом городе (в доме Ad Fortunam «У Фортуны») рядом с костёлом Девы Марии у Лужи (Kostel Panny Marie na Louži, сейчас – ul. Linhartská 3). Конструкции *W welikém Miestie Pražském v Matky Božíj na Lužy* и *W starém méstie Pražském v Matky božíj na Lužy* выступают в его публикациях как полные синонимы. Соответственно, выражение *žvělikomž městě pražskomž*, повторяющееся в колононах пражских изданий Ф. Скорины, по своему значению может целиком и полностью совпадать с топонимом *žstaromž městě pražskomž*. На этом можно было бы поставить точку, т. е. прийти к выводу о том, что Ф. Скорина во *всех* своих пражских публикациях даёт географическую привязку к Старому городу.

<sup>1</sup> Здесь и далее по тексту производится ссылка на Knihopis Digital – базу данных, регистрирующую инкунабулы, палеотипы и ранние печатные книги с 1476 по 1800 г. Создана отделением Документации и изучения культурного наследия чешских земель до 1800 г. в Центре классических исследований Академии наук Чешской Республики (Dokumentace a výzkum kulturního dědictví v českých zemích do roku 1800, Kabinet pro klasická studia AV ČR). С 2015 г. – база данных KPS – Databáze Knihopis Национальной библиотеки Чешской Республики (Národní knihovna ČR): [http://aleph.nkp.cz/F/?func=file&file\\_name=find-b&local\\_base=KPS](http://aleph.nkp.cz/F/?func=file&file_name=find-b&local_base=KPS).

Однако дополнительного рассмотрения заслуживает хронологическая закономерность, чётко прослеживающаяся в использовании определений *старомъ* и *великомъ*.

Напомним, что до 10 августа 1518 г. пражский город, в котором происходило печатание Бивлии Руской, издатель последовательно называет Старым. Данное логическое определение в этот период сопровождают украшающие эпитеты *славномъ* (4 раза) и *великомъ* (2 раза). Начиная с декабря 1518 г. город именуется не Старым, а Великим (единственное исключение, о котором ещё зайдёт речь, – Плач Иеремии 1519 г.). Почему?

Резкая перемена в наименовании, вне всякого сомнения, взаимосвязана с процессом объединения двух городов Праги: Старого и Нового. Путь, приведший к появлению одного большого города, был не лёгок. Объединительные тенденции не были по вкусу королю, дворянам и рыцарям, так как существенно усиливали позиции третьего сословия. Кроме того, существовала и внутренняя городская оппозиция, которая, преследуя интересы ремесленных цехов, также оказывала сопротивление объединительным стремлениям. Так или иначе после длительной вереницы попыток и неудач сложились благоприятные условия (заключение Святоавгустинского договора 24.X.1517 вело к межсословному примирению), которыми члены городских советов не преминули воспользоваться.

30 августа 1518 г. пражане собрались в Каролинуме (Collegium Carolinum), чтобы высказаться по поводу соединения двух городов Праги. Со словами поддержки данного проекта выступили уважаемые патриции, высокопоставленные лица и члены городских советов, которые и ранее ратовали за идею слияния городов, а также администратор утраквистской консистории. На вопрос, какова же будет воля городских обществ, поочередно реагировали все представители городских самоуправлений (*konšelé, starší obecní, členy obce*). Все они единодушно и без возражений поддержали план объединения. После официального акта слияния теперь уже единая городская община последовала за утраквистским администратором: из университета толпа переместилась в Тынский храм, где приняла участие в богослужении. Колокольный звон, ознаменовавший данное событие, не утихал и на следующий день, т. е. 31 августа.

Ф. Скорина, пребывая в Праге, был свидетелем торжеств и всех последовавших перемен. Обойти вниманием значимое событие тех лет он не мог. Объединение Старого и Нового городов имело ряд практических последствий, причём некоторые из них, как видим, оставили свой след и в колофонах пражских изданий. На церемонии объединения городов, в частности, было принято решение, что до сих пор бытовавшие названия выйдут из употребления. Объединенный город отныне должен был нести название «Великий город пражский» (!) [12, s. 703], а прежнюю оппозицию *Старый* <=> *Новый* город, долженствовала заменить пара: *dolejší – hořejší*, т. е. «нижний» – «верхний» [18, s. 454]. Таким образом, Ф. Скорина действует в полном согласии с постановлением городской общины новообразованного Великого града пражского от 30 августа 1518 г.: из послесловий, начиная от Книги Иисуса Навина (20.XII.1518), закономерно исчезает

упоминание Старого города. Словосочетание *ъвєликомъ мѣстѣ праѣскомъ*, следовательно, обозначает объединенный Старо-Новый город Праги. Одновременно нужно заметить, что новая формулировка колофона прекрасно согласовалась и с более ранним альтернативным способом обозначения Старого города.

Сравнительный анализ колофона выявляет законопослушность Ф. Скорины. Нужно иметь в виду, что новые административные распоряжения не распространялись на книгопечатание, т. е. издатели в своей практике не обязаны были ими руководствоваться. Оперативное применение топонимических нововведений выявляет не только прекрасную информированность (что само по себе не удивительно), но и меру симпатии (возможно, показной) к событиям, происходившим тогда в Праге. В этом легко убедиться, просмотрев выходные данные иных пражских публикаций того же периода, где издатели номинальным переменам не придают большого значения. Ниже охвачен период 1519–1522 гг.:

1519 г. *Wflawnem Miestie Praze* – Welmi piekna nowa Kronika / a neb Historia... (Knihopis č. 1195) Jan Šmerhovský.

1520 г. *w Slawném Městě Pražském* – Jana Mirosse Faráře v S° Křjže w Starém Městě Pražském / Mijra nesmijrného poslussenstwj Papežského... (Knihopis č. 5615).

1520 г. *Tiffieno y dokonano w Praze* – Kazanij welebneho a nabožneho otcze Martina Luthera Na defatero přikazani božij / kterež lidu obecznemu ʒgewnie w Miestie Witēbercze kaazal geſt. (Knihopis č. 5110) Pavel Severýn z Kapí Hory.

1520–1526 гг. *Wpraze v Bílého lwa* – O welebne Swatoſti tiela a krwe pána kríſta co a kterak onij držaáno odwierných a wierzino býti má. Spis Mistra Jana co a kterak onij dr žaáno odwierných a wierzino býti má. Spis Misſra Jana... (Knihopis č. 51716) Mikuláš Konáč z Hodíškova.

1522 г. *Wflawnem Miestie Pražskem* – Knijha wýkladuow Spaſytedlnych na Cžtenie Nedielniſ czeleho roku. Wierneho a dobreho Muže a Cžecha Petra Chelſſicžkeho... (Knihopis č. 3300) Pavel Sewerýn.

1522 г. *W Slawně Městě Pražskem v Bileho lwa* – Miřinského Václava kněze písně staré, gruntovní a velmi utěšené... (Knihopis č. 5617) Mikuláš Konáč z Hodíškova.

Исключение среди чешскоязычных изданий может составлять публикация М. Конача 1520 г., где в колофоне использована формулировка *W Miestie přewelikém Praze* (в книге: «Mistra Jā Huſu kazatele slawneho Dieditze Czeſkeho Dwanaczti Cžlankuo Wijry Křestianskee obeczné Deſſýti božých pržikázanij a Modlitby Páne Otče náſſ etc.», Knihopis č. 3266).

Перечисленные примеры наглядно показывают, насколько Ф. Скорина отличается от других пражских книгоиздателей. Библия Руска – редкий пример книги, по которой можно наблюдать меняющиеся события реальной истории, т. е. процесс объединения Старого и Нового городов Праги. Не совсем понятно, зачем он это делает. Подобными мелочами себя не утруждали пражские печатники, книги которых предназначались для местного читателя. Целевая аудитория Ф. Скорины, находившаяся в ВКЛ, о происходившем в Праге не имела ни малейшего представления, соответственно, она не могла понять и оценить щепетильную пунктуальность издателя (достаточно было указать, что книга

издана в Праге). Излишняя подробность и точность, свойственные пражским послесловиям, вероятно, были предопределены стремлением перестраховаться. Будучи в Праге гостем, Ф. Скорина таким образом, может быть, стремился показать свою лояльность (например, в глазах членов городского совета или утраквистской консистории), а именно то, что он уважает и соблюдает все постановления, исходящие из ратуши.

Говоря о точности пражских колофонов, необходимо подробно рассмотреть книгу *Плач Иеремии*. Судя по выходным данным, книга была издана в 1519 г. *в старомъ мѣстѣ пражскомъ*. Это единственный случай, когда Ф. Скорина отходит от привычной формулировки *въ великомъ мѣстѣ пражскомъ*, которую вводит и которой неукоснительно придерживается в 11 своих изданиях после реформы городского самоуправления 30 августа 1518 г.

Неожиданный и единичный возврат к прежнему наименованию возможно объяснить за счёт случайной оплошности. Издавая серию библейских книг, Ф. Скорина имел в запасе уже подготовленный «перевод». Известно, что «выложенные» им тексты содержали предисловия. По всей видимости, они сопровождались и послесловиями. С таким текстом, полностью готовым к печати, работал наборщик, который дополнял единственную неизвестную переменную – сведения о времени печатания (у Скорины они замыкают колофон). Можно, соответственно, предположить, что до 30 августа 1518 г. имелись готовые тексты, в своих послесловиях содержащие до тех пор актуальную ссылку на Старый город. После появления Великой Праги наборщик по поручению издателя вместо *старомъ* набирал *великомъ*, но в одном случае, забыв о необходимости корректуры, точно по тексту набрал первоначальное прилагательное.

Возможно предложить и иное, несколько неожиданное, решение, предлагающее влияние исторической обстановки. В книгах Ф. Скорины находим всего две ксилографии, содержащие панорамное изображение города. Одна ксилография – *На єхоносоѣ Царь Вавилскій Добыкаѣ Єрусалима* – помещена в последнюю, четвертую, Книгу Царств (10.VIII.1518). Войско царя Навуходоносора (слева) вступает в битву с защитниками Иерусалима (справа) (ил. 1).

Подготовка к битве показана на фоне города, причём в центре изображения исследователи увидели реальную достопримечательность Нового города – Эммаусский монастырь (Emauzy, Na Slovanech) [5, с. 350; 10, р. 66–67; 24, с. 337]. Стоит заметить, что отождествление с Иерусалимом в данном случае имеет историческое обоснование: Карл IV, основатель города, в своих градостроительных начинаниях действительно руководствовался планировкой вечного города [9, с. 60].

Примечательно, что такое изображение появилось в книге, изданной 10.VIII.1518, т. е. незадолго до объединения двух городов Праги. Вопрос сохранения правового и экономического суверенитета в то время был, безусловно, предметом живого обсуждения в обществе. Более того, книга печаталась именно тогда, когда с амвонов звучали слова священников, призывающие мещан прийти на заседание 30.VIII.1518. На самом заседании в Каролинуме выступил аббат



Ил. 1. Oberlausitzische Bibliothek der Wissenschaften, Gorlitz. Sign.: A II 4° 26. Ксилография «Навходоносоръ Царь Вавилонский Добывает Ерусалима» (Книга Царств, 10.VIII.1518)

Эммаусского монастыря Матиаш Корамбус (Matyáš Koramba; Mathias Choramius), слова которого в значительной мере поспособствовали объединению пражских городов. То есть, случайно это или нет, но библейская сцена, изображающая подготовку и начало боя за город (за пражский Иерусалим с Эммаусским монастырем в центре), была изготовлена и напечатана в интересное время. Такая ксилография будоражила фантазию людей, умы которых тогда были заняты судьбой Новой и Старой Праги. Предприимчивый издатель (не обязательно Ф. Скорина) такую ксилографию мог выгодно использовать, например, напечатав летучий листок, повествующий об актуальных событиях современности.

Вторая ксилография – Еремія Прѣкъ гдѣнъ плачеть Глѣда На Ерусали – по случайному (?) стечению обстоятельств находится в вышеупомянутой Книге Плач Иеремии. На этот раз град Иерусалим изображён в обобщённо-идеализированном

виде, причём следов физического разрушения, как и в предшествующем случае, мы не наблюдаем. Встаёт вопрос, не может ли оплакивание Иерусалима, изображенное на титульной странице книги, быть как-то связано с фрустрацией новогородских жителей Праги? В таком случае аномалию, которую мы видим в колофонах Плача Иеремии, можно было бы пытаться объяснить таким образом: книга издается *в старомъ мѣстѣ пражскомъ*, поскольку Старый город продолжает существовать в укор Новому, который поглощён, «разорён» и «разрушен». Источники, проливающие свет на события той эпохи, описывают совсем непростую ситуацию. Часть населения, преимущественно из так называемого Верхнего города, чувствовала себя ущемлённой в правах и испытывала ностальгию по утраченному Новому городу. Ситуация тогда была настолько накалена, что в конце января 1519 г. была предпринята попытка захватить старогородскую ратушу и осуществить дефенестрацию. Напряжённость сохранялась в течение всего 1519 г.

Таким образом, колофон из Плача Иеремии содержит не вполне верное (устаревшее) сведение о месте печатания. Учитывая канву внутрипражских событий 1518–1519 гг., нельзя исключить, что перед нами пример сознательного словоупотребления, и всё же такую возможность следует признать менее вероятной. Специальное использование формулировки *в старомъ мѣстѣ пражскомъ* в комбинации со сценой оплакивания Нового города предполагает, что издатель рассчитывал на понимание со стороны читателя. В случае с Библией Русской такой сценарий кажется нереальным. Поэтому мы должны отдавать предпочтение первому объяснению: вероятно, это лишь оплошность, которую допустил наборщик текста и которую сам Ф. Скорина, вычитывая отпечатанные листы на предмет всякого рода ошибок, не заметил. Интересно было бы сравнить все известные экземпляры Плача Иеремии. Возможно, что некоторые из них будут содержать адекватное, т. е. исправленное наименование Великого града пражского.

Рассмотрев когерентные сведения колофонов, обратимся к более точной локализации книгопечатни. Поиск традиционно ограничивается пределами Старого города, где своей собственной типографией Ф. Скорина наверняка не обзаводился, а арендовал уже существующую. Чаще всего исследователи рассматривали две возможности: книгопечатню Северина и М. Конача. Е. Л. Немировский склонялся к мысли, что свою типографию мог предоставить М. Конач, причём типографом у Ф. Скорины работал Я. Камп: «Имя типографа в Библии не указано. Полагаю, что им был Ян Камп. Северин и Камп продолжали сотрудничать и после выхода в свет Библии (Пражской. – И. Л.)» [3, с. 223], «Нам представляется, что типография была арендована. В этом случае Скорина должен был заключить договор с каким-либо пражским типографом. <...> Если согласиться с такой гипотезой, нужно поискать среди пражских типографов человека, который мог бы на какое-то время уступить Скорине свою мастерскую. Им мог быть, например, Микулаш Конач из Годишкова» [3, с. 226]. Я. Д. Исаевич возможным кандидатом назвал Северина: «Хоч Прага була давнім осередком друкарства, на той час не існувало чеських видань з таким високомистецьким

ренесансним оформленням, як у друках Франциска Скорини. Можливо, однак, що Біблію друкував чеський друкар Северин, який саме після 1520 р. почав видавати книги у новому, позначеному стилістикою ренесансу стилі» [1, с. 408]. Далее других зашел Г. Лебедев, предположив, что Ф. Скорина пользовался услугами обеих (!) книгопечатен: «магчыма, “зэцэраў” было двое, паколькі нядаўна стала вядома пра існаванне двух варыянтаў скарынаўскай кнігі “Іоў”, якія адразніваюцца менавіта наборам першых старонак. А значыць, набраных рознымі наборшчыкамі. Варыянты, відавочна, і друкаваліся ў розных друкарнях: Яна Севярына – Іаганнеса Кампа і Мікулаша Конача. Другі з іх пасля выдання варыянта кнігі “Іоў” якраз таму на пэўны час павінен быў спыніць супрацоўніцтва са Скарынам» [2, с. 286].

Попытки идентифицировать место издания в прошлом опирались на исследования начала XX в., в частности – на работы по истории чешского книгопечатания Зденка Вацлава Тоболки (Zdeněk Václav Tobolka). Авторитетный (для своего времени) знаток книжного дела работал в интенциях национального возрождения, которые предполагали, что каждый созидатель культурного наследия должен быть известен своему народу по имени. Интерпретируя исторические источники, исследователь не избежал натяжек и вольных допущений. Именно с его лёгкой руки Северин обрёл имя Ян, хотя в скучих документах своей эпохи он фигурировал лишь как безымянный «купец Северин» (kramář Severýn). Таким образом, произошло совмещение сразу трёх исторических лиц – отца, сына и внука: безымянного купца Северина (†1519–1520), Яна Северина (†1515) и Яна Северина Младшего (†1545). К сожалению, это не единственная замена. Купца Северина, как показывает вышеприведённая цитата Я. Д. Исаевича, путали и с Павлом Северином (†1553–1554), который успешно занялся книгоиздательской деятельностью лишь после смерти отца. В период, когда Ф. Скорина начал свою издательскую деятельность, Павел Северин, вероятно, был ещё несовершеннолетним (полагают, что премьера в роли книгоиздателя состоялась 9.XI.1520 – *Kažanij welebneho a nabožneho otcze Martina Luthera Na desatero příkazani božij / kterež lidu obecznetu zgownie w Miestie Witēbercze kaazal gest., Knihopis č. 5110*).

Излишнюю вольность З. Тоболка допустил и в другом вопросе. Дошедшая до наших дней чешская и немецкая книжная продукция конца XV – начала XVI в. не знает ровно ничего о «печатнике» Яне Кампе. Несмотря на это, учёный предположил, что именно он был типографом у Северина. Более того, исследователь и самого Северина, «партнера Я. Кампа», зачислил в разряд печатников: *Knihtiskařem v podniku [Jana?] Severýna byl jeho tovaryš Johannes řečený Kamp* («Книгопечатником в печатне Яна Северина был его партнёр Иоанн Камп») [17, с. 27]. Основой для такого вольного соотнесения послужил указ Владислава II от 25 марта 1499 г., в котором король ростивému Severinovi, kramáři, městěnín Starého Města Pražského, a tovaříši jeho Jonannesovi řečenému Kamp impresorovi («добропорядочному купцу Северину, мещанину Старого города пражского, и партнёру его Иоанну, именуемому Камп, импрессору») [7, с. 105] предоставил право заниматься горнодобывающей.

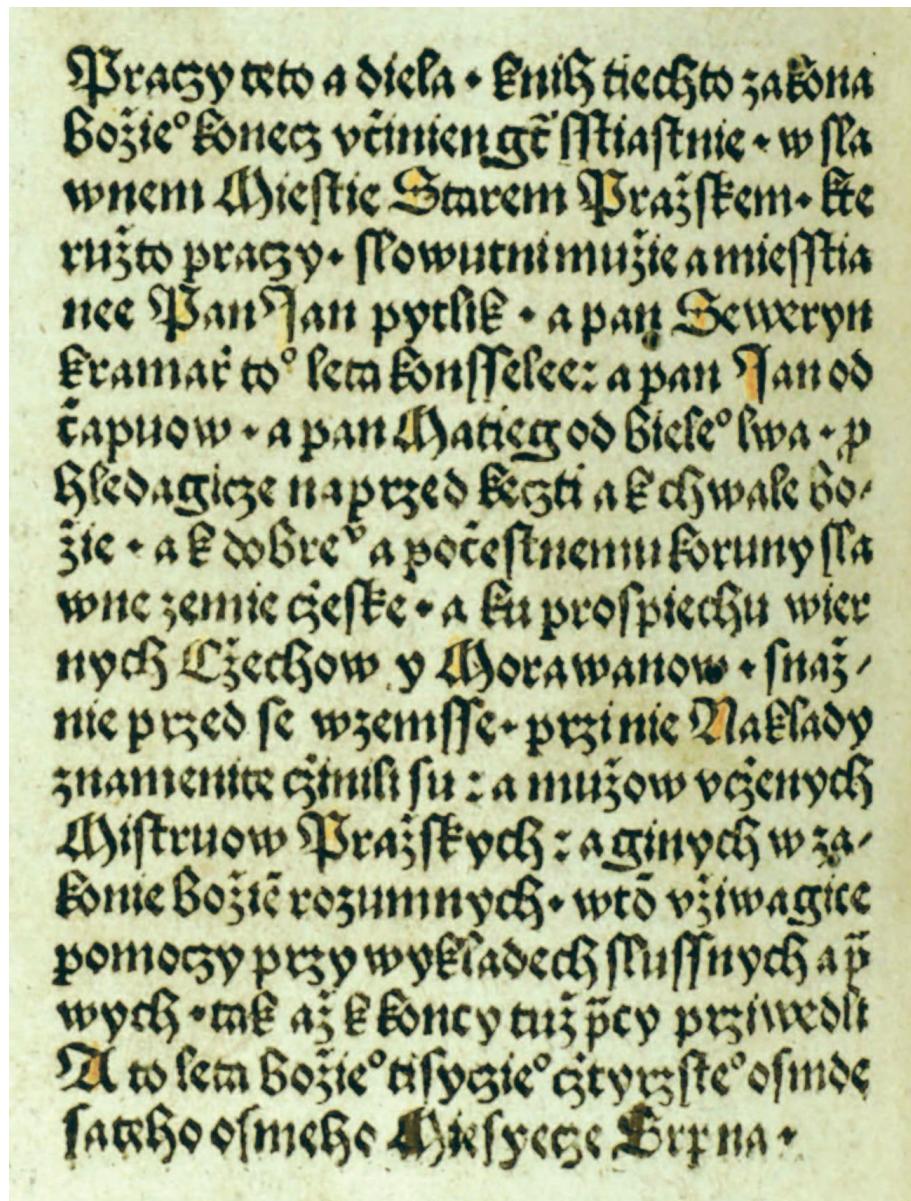
Определение «купец Северин» предполагает, что лицо занимается торговой деятельностью. Нет ни малейшего основания думать, что собственник значительного капитала (и высокопоставленный чиновник магистрата) в свободное от предпринимательской деятельности время крутился вокруг печатного станка. В королевском указе Я. Камп называется «компаньоном», «партнёром» купца Северина лишь в свете их общего предпринимательского начинания. Речь идёт о горнодобыче. В конце XV в., когда книгопечатание в Чехии ещё было новинкой, у существительного «impressor» не было строго устоявшегося значения. Данным словом могли назвать и словолитейщика, т. е. мастера, изготавливающего из сплава олова литеры и другой типографский материал. Такое предположение многое бы объяснило, в частности, почему Северин и Камп вдруг проявили интерес к полезным ископаемым. О таком вполне правдоподобном сценарии, который бы всё расставил на свои места, З. Тоболка предпочёл умолчать, хотя в другом месте заявил, что Kamp byl knihtiskař, jenž se vyznal i v lití písma («Камп был книгопечатником, который разбирался в литье литер») [17, s. 27]. Можно предположить, что Я. Камп действительно разбирался в литье литер, но из этого отнюдь не следует, что он был книгопечатником: книгопечатня и ювелирная мастерская, выполняющая функции словолитни, – совсем разные рабочие места, предполагающие наличие иных навыков и компетенций.

Кроме того, относительно недавно было выдвинуто (Antonín Kostlán) и иное документально обоснованное объяснение [23, s. 11], согласно которому Я. Камп (Hannusk zum Kempf) в 80-х годах XV в. сотрудничал с лейпцигским агентом Петра Драха (Petr Drach jun., †1504) – книготорговцем и печатником Иоанном Шмидхофером (Johann Schmiedhoffer). Сеть книжных складов тогда покрывала территорию Чехии и Моравии (Мост, Прага, Кутна-Гора, Йиглава, Оломоуц, Брно), а издания П. Драха отличались большим разнообразием шрифтов (насчитывают не менее 28 комплектов). Следовательно, можно осторожно предположить, что привилегия 1499 г. на добычу полезных ископаемых удовлетворяла запросы заграничных книгопечатников, т. е. купца Северина и книгопродавца Я. Кампа (агента И. Шмидхофера или самого П. Драха) могли на короткое время свести прагматические экономические интересы.

Таким образом, следует скорректировать основополагающие понятия, с которыми традиционно работают скориноведы. Никакой «типографии Яна Северина и Яна Кампа» не было. Когда в Праге печаталась Библия Руска, не было и Яна Северина. Существовала типография до 1519–1520 гг., находившаяся в собственности «купца Северина». Данный предпримчивый патриций и высокий чиновник городского магистрата свою книгопечатню охотно сдавал съёмщикам. В связи с этим следует обратить внимание на фундаментальные исследования Петра Войта (Petr Voit), которые в скориноведении остаются, к сожалению, до сих пор мало востребованными. Исследователь установил хронологию и очередность, с которой типографы на том же самом рабочем месте сменяли друг друга.

Первым съёмщиком в период 1488–1517 гг. был «Печатник Пражской Библии» (Tiskař Pražské bible). В настоящее время известно о 28 книгах, изданных данным

тиографом (исчерпывающая библиография публикаций у П. Войта [23, с. 16–21]). Своё условное имя он получил по второй дошедшей до нас публикации – Пражской Библии (Bible pražská, Knihopis č. INC013). Объемная книга, охватывающая Старый и Новый Заветы, является первым изданием Священного Писания на чешском языке, а одновременно и первым славянским изданием Библии. Колофон нам сообщает, что печать книги завершилась в августе 1488 г. во «славном городе Старом пражском» (w sławnem Miestie Starem Pražskem). Здесь же находим сведения о людях, финансировавших данное издание, в том числе о купце Северине. Колофон Пражской Библии считаем необходимым здесь привести целиком, и не только из-за упоминания в нём Северина (ил. 2).

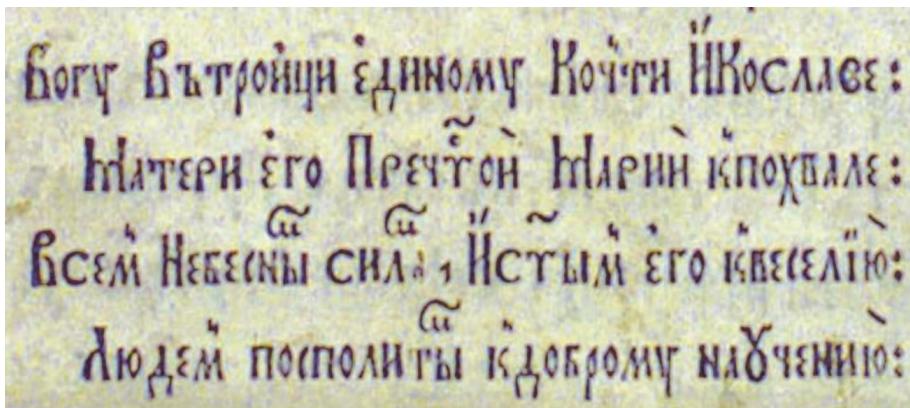


Ил. 2. Österreichische Nationalbibliothek (sign.: Ink 13. C. 5). Колофон (f. 602v) Пражской Библии (Bible pražská, 1488)

Praczy teto a diela • knih tiechto zakona  
 božie[h]o konecž včinien g[es]t ſſtiaſtnie • w ſla /  
 wnem Mieſtie Starem Pražſkem• kte /  
 ružto praczy • ſlowutni mužie a mieſſtia /  
 nee Pan Jan pytlik • a pan Seweryn  
 kramař to[h]o leta konſſelee: a pan Jan od  
 čapuow • a pan Matieg od biele[h]o lwa • p[ro]/  
 hledagicze naprzed keczi ti a k chwale bo-  
 žie • a k dobre[m]v a počeſtnemu koruny ſla/  
 wne ſzemie cžeſke • a ku proſpiechu wier/  
 nych Cžeſchow y Morawanow • ſnaž-  
 nie przed ſe wzemſſe • prži nie Naklady  
 znamenite cžinili ſu : a mužuow vcženyh  
 Miſtrnow Pražſkych : a ginyh w za-  
 konie božie[m] rožumnych • wto[m] vžiwagice  
 pomoczy przy wykladech ſluſſnych a p[ra]/  
 wych • tak až k koncy tuž p[ra]cy pržiwedli  
 A to leta božie[h]o tiſyceſie[h]o cžtyržſte[h]o oſmde/  
 ſateho oſmeho Mieſyecze Srpnia •

Исследователями наследия Ф. Скорины осталась незамеченной смысловая и синтаксическая параллель, объединяющая Пражскую Библию и Бивлию Русскую. Имеем в виду широко известную (в разных вариациях) формулировку **Напредъ кочти ѹ́кпохвале богу въ троици ёдиному • <...> ЙЛюдемъ посполитымъ всемъ Ѻ́пожитъку** (из колофона в Книге Песни Песней Соломона, 8.I.1518), которой соответствует чеш. ***naprzed keczi ti a k chwale božie • a k dobre[m]v a počeſtneti koruny ſlawne ſzemie cžeſke • a ku proſpiechu wiernych Cžeſchow y Morawanow.*** Абстрактному обстоятельству цели *k dobre[m]v a počeſtneti* у Ф. Скорины соответствует (в других вариантах колофона) **кдоброму научению или кпозитку посполитого доброго.** Разумеется, меняется и адресат книги: ***a ku proſpiechu wiernych Cžeſchow y Morawanow* → ЙЛюдемъ посполитымъ всемъ Ѻ́пожитъку.**

Не секрет, что в составе колофона синтаксическая конструкция моделировалась в зависимости от полиграфических возможностей. Не желая выйти за пределы последнего листа, наборщик сжимал текст. Когда пространственных ограничений не было (как в вышеприведённом случае, где колофону был отведён весь оборот листа), синтаксическая конструкция использовалась в полном объёме. Следует особо обратить внимание, что указанная формулировка встречается и в инициальных элементах паратекста. Интересно, что именно отсюда она и перенесена в колофон. Так, тождественную конструкцию обнаруживаем в предисловии к Псалтыри: **Напрѣ́ кочти ѹ́кпохвале бгу въ троици ёдиному, <...>** Апотомъ кпозитку посполитого доброго (Псалтырь, 6.VII.1517). В следующей по очереди издания Книге Иова (10.IX.1517) та же самая конструкция подверглась существенному сокращению и вольному стихотворному переложению (ил. 3):



Ил. 3. Российская государственная библиотека [Электронный ресурс]. Режим доступа:  
<http://dlib.rsl.ru/viewer/01004087076#?page=2>. Фрагмент титульного листа Книги Иова, 10.IX.1517

Ту же самую формулировку, только в ещё более сжатом виде, находим на титульной странице Библии: БОГУ КОЧТИ Й ЛЮДЕМЪ ПОПОЛИТЫМЪ К ДОБРОМУ НАУЧЕНИЮ (Книга Бытия, 1519). Таким образом, колофон Пражской Библии повлиял на паратекст Библии Руской.

Возвращаясь к деятельности «Печатника Пражской Библии», отметим, что последняя небольшого объёма книга им была издана 28 сентября 1517 г., т. е. вскоре после Псалтыри и Книги Иова Ф. Скорины.

В период 1493–1497 гг. книгопечатней Северина пользовался и другой пражский типограф – «Печатник Коранды» (Tiskař Korandy). Между изданиями «Печатника Коранды» и «Печатника Пражской Библии» прослеживается примечательная времененная закономерность – «Печатник Коранды» издавал в те годы (1492, 1493, 1495, 1496, 1502), когда «Печатник Пражской Библии» не был активен (1491–1494, 1496, 1502). Репертуар «Коранды» намного скромнее. Среди шести его изданий (пяти инкунабул и палеотипа) особенно заметно выделяется объёмный (ff. 176) трактат Вацлава Коранды «Traktát o velebné a božské svátosti oltářní» (1493), по которому типограф и получил своё наименование. Эмма Урбанкова (Emma Urbánková) в своё время обратила внимание на морфологическое сходство и даже на идентичность инициальных клише, которые от «Печатника Пражской Библии» перешли к «Печатнику Коранды» [19, с. 219]. В свою очередь, П. Войт выявил чрезвычайно важную миграцию шрифта: швабах «Печатника Коранды» был в 1513 и 1515 гг. фрагментарно использован «Печатником Пражской Библии». Чешский исследователь пришёл к убедительному выводу, что «эти заимствования подлежат надёжному объяснению именно с учётом тождества рабочего пространства, которое при каждой новой аренде освобождалось лишь частично» [4, р. 342].

Треттым возможным арендатором печатной мастерской был еврейский типограф, который 3 декабря 1512 г. издал молитвенник Сидур (Sidur). Подробное изучение еврейского книгопечатания выявило любопытную миграцию иллюстрационных и декоративных клише, например: еврейский Сидур 1512 г. –>

утраквистское исповедание «O vieře svaté» 1513 г. [14, s. 80, 101; 22, s. 129]. Книгу «O wijerze swate kteruž Czechowee a morawanee držij t'i kterziž se zakone[m] paaňe zprawugij Toto wyznanij gest» (Knihopis č. 16873) 22 декабря 1513 г. издал пражский типограф Ян Мораванин (Jan Moravus). По всей видимости, он стал четвёртым нам известным арендатором той же самой печатной мастерской. В конце книги он напечатал герб Старого города пражского – идентичный тому, который годом ранее в Сидуре издали евреи. То, что Ян Мораванин трудился в том же самом месте [20, s. 215], подкрепляет детальное изучение шрифта. «Печатник Пражской Библии» в 1513 и 1515 гг. дополнил свою «хлебную» бастарду текстурой, полным набором которой в 1512–1513 гг. располагал Ян Мораванин [23, s. 101].

В период с июня до декабря 1515 г. в книгопечатне Северина могло быть осуществлено второе издание Сидура (26.XII.1515), которое вклинилось в печатание (1514–1518) еврейского Пятикнижия (Chamiša chumšej tora, megilot, haftarat, 4.VI.1514–5.I.1518) того же Гершома Коэна (Geršom Kohen). Известно, что с осени 1518 г. цитаты на иврите в изданиях Ф. Скорины стали более корректными. Причина этого, вполне возможно, кроется в печатном процессе, который осуществлялся под одной крышей, т. е. в книгопечатне Северина. В конце 1516 г. здесь же могли найти временное пристанище шестой и седьмой по очереди съёмщики – «Печатник I» (Tiskař I) и «Печатник II» (Tiskař II), издавшие Календарь на 1517 г. – Václav Žatecký, Minuce na rok 1517 (немаловажно, что использованный ими шрифт был обнаружен у «Печатника Пражской Библии») [23, s. 101].

В конце концов с 1517 г. типографию арендовал Ф. Скорина, который, как можно судить на основании приведённых выше данных, мог быть восьмым (по меньшей мере) пользователем книгопечатной мастерской, где он пересёкся с «Печатником Пражской Библии», который после длительного простоя (с 30.V.1515) осенью 1517 г. издал свою последнюю книжицу – «Svolení a smlúva všech tří stavův při snémě, kterýž držán byl vo svatým Václavě na Hradě pražském» (не ранее 28.IX.1517, Knihopis č. 15534). Выше мы уже отмечали смысловую и синтаксическую параллель, прослеживающуюся между колофоном Пражской Библии 1488 г. и изданиями Ф. Скорины. П. Войт обращает внимание на другое важное обстоятельство: ксилография из Нового Завета 1513 г. (Nový zákon, 5.VIII.1513, Knihopis č. 17095), изданного «Печатником Пражской Библии», в 1517 г. перекочевала в Псалтырь Ф. Скорины.

Арендуйемой типографией Ф. Скорина должен был делиться и с Г. Коэном, когда тот печатал Пятикнижие (до 5.I.1518) и молитвы Тфилот (Tfilotmi-kolha-šana, 7.VI.1519–5.VIII.1519). Примечательно, что «еврейскую продукцию сопровождают колофоны, прославляющие Старый город, и таким же самым образом оформлены церковнославянские публикации Скорины» [4, р. 345]. О характере и причинах проявления пражского патриотизма Ф. Скорины было сказано выше. Теми же самыми или похожими интенциями руководствовались печатники из еврейского гетто, однако Ф. Скорина по искусности проявления своего локального патриотизма далеко превзошел Г. Коэна и его коллег. Евреи в витиеватых выражениях и публикуемым гербом Старого города благодарят за право

заниматься книгопечатанием (это был единственный род деятельности, которым им позволено было заниматься за пределами гетто). Ф. Скорина прославляет не только город (вербально в колофонах), но и чешских королей, и высокопоставленных чиновников Чешского королевства (визуально в галерее крипто-портретов, где особое место занимают Ягеллоны). Также П. Войт обратил внимание на перекрещивающуюся деятельность «Мастера скориновского декора» (Mistr Skorynova dekoru), который в период 1514–1518 гг. работал на Г. Коэна, а с 1517 г. – на Ф. Скорину.

Таким образом, в конце XV в. происходит медленный процесс формирования пражской и внепражской читательской аудитории. Мещане, до сих пор приобщённые к традиции рукописной книги, только свыкались с мыслью, что печатную книгу можно/выгодно купить. Печать открывала неизведенную область, и многие предпримчивые люди связывали с ней определённые надежды. Иллюзия быстрой экономической выгоды побуждала к новому роду деятельности, однако, испытав себя в роли печатника, люди, как правило, возвращались к привычным занятиям. Скромные читательские запросы тогда удовлетворялись продукцией одной книгопечатни. Две книгопечатни на рубеже XV–XVI вв. вряд ли были бы востребованы. К счастью, многочисленные adeptы печатного слова, как показывают исследования П. Войта, не были обременены значительными инвестиционными затратами по благоустройству *своей* печатни. В Праге существовала солидная типография, изначально финансируемая консорциумом издателей – мещан Старого города, которым в 1488 г. было под силу осуществить печатание всего Священного Писания. Предполагают, что Пражскую Библию печатали сразу на двух станках. Собственник типографии, монополист Северин, преследуя коммерческую выгоду, охотно сдавал печатную мастерскую в аренду.

К началу XVI в. ситуация немного изменилась. Своей собственной книгопечатней обзавёлся видный писатель-просветитель М. Конач. Печатный станок был продолжением его письменного стола. Собственные сочинения и переводы шли сразу в печать и в продажу. В отличие от печатни Северина мастерская М. Конача практически не издавала литургических текстов. Главное внимание было сосредоточено на популяризации собственных работ, включая переводы-адаптации с латинского и немецкого языков. В творческой и книгоиздательской деятельности наступали порой перерывы, несмотря на это наследие М. Конача впечатляет. За 20 лет, в период 1507–1528 гг., ему (совместно с Яном Вольфом) удалось напечатать не менее 45 публикаций. Предпочтение отдавалось чешскоязычным изданиям (на латыни вышли только две книги). Набор производился сначала бастардой, а с 1513 г. – швабахом и ротундой. Об аренде его типографии третьими лицами никаких свидетельств нет, и это не удивляет. Книгоиздательская деятельность М. Конача была ещё сильно зависима от конъюнктуры рынка, но его типография всё же имела характер печатни, тип которой в немецкоязычной литературе принято обозначать термином «*Privatdruckerei*» [25, с. 12–13]. Аренда, тем более длительная (как было бы

в случае со Скориной), не представлялась возможной, так как нарушала бы процесс собственной самореализации.

В конце концов необходимо учитывать кардинальные отличия полиграфического уровня. Говоря об изданиях Ф. Скорины, П. Войт со знанием дела констатирует: *Způsob sazby, zvolený dekor i velkoplošné ilustrace ukazují, že tiskařským materiélem dobré zajištěná dílna byla schopna akceptovat soudobé trendy renesanční knižní kultury lépe nežli leckteré dosavadní počiny Konáčovy* («Способ набора, используемый декор и крупноформатные иллюстрации показывают, что хорошо обеспеченная типографским материалом мастерская была в состоянии оперативно реагировать на современные тенденции книжной культуры и реагировала на них лучше, чем начинания Конача, датируемые тем же самым периодом») [21, s. 31]. Пражские издания Ф. Скорины возможно сопоставлять – по качеству и новаторству – лишь с продукцией еврейских книгопечатников: *Zatímco Konáčovy a Wolfovy tiskařské aktivity preferovaly spíše sféru editorsko-překladatelskou, Kohen a Skoryna vynikli také jako typografové, jejichž produkce <...> se zcela vyrovnala úrovni italských a německých tiskáren i po stránce raně renesanční tvarové čistoty a uměřenosti* («В то время, как Конач и Вольф отдавали предпочтение скорее издательско-переводческой сфере, Коэн и Скорина показали себя как типографы, продукция которых – и по чистоте формы, и по соразмерности реализации книжного канона – полностью достигла уровня итальянских и немецких книгопечатен эпохи раннего ренессанса») [21, s. 30]. Сопоставление деятельности Г. Коэна и Ф. Скорины, учитывая хронологическое соответствие и общность рабочего пространства, представляется вполне логичным.

Для полноты картины остается уяснить, где же конкретно располагалась печатня купца Северина, т. е. в каком месте современной Праги верстали, печатали и сушили листы Библии Русской. П. Войт по этому поводу пишет: *Víme, že kramář Severin roku 1488 zakoupil dům *Upůl zlatého měsíce*. Poněvadž v tomtéž roce poprvé vystupuje Tiskař Pražské bible, dosti pravděpodobně mohlo jít o dům, v jehož přízemí se nacházela i nájemní dílna. Nemovitost stála za zadním traktem Staroměstské radnice naproti kostelu sv. Mikuláše. Už roku 1660 byla však zbořena...* («Нам известно, что купец Северин в 1488 г. приобрел дом “У наполовину золотого месяца”. А так как в этом же самом году дебютирует “Печатник Пражской Библии”, велика вероятность того, что на первом этаже дома находилась и сдаваемая в аренду печатная мастерская. Дом располагался за задним корпусом Старогородской ратуши напротив костёла св. Николая. В 1660 г. однако его снесли...») [24, s. 335]. Как видим, чешский исследователь предпочёл использовать осторожную формулировку «*dostí pravděpodobně*» («велика вероятность»), что вполне можно понять.

«Печатник Пражской Библии» в 1488 г. издал четыре публикации, общий листаж которых превысил 715 листов (!). Пражская Библия (б. д. VIII.1488, ff. 610) и хроника Яакова Твингера из Кенигсхофена (издана 26.IX.1488, ff. 102, см.: Knihopis č. INC014) печатались *in folio*. Набор Библии должен был производиться в январе–августе 1488 г. Вёрстка такого большого объёма, на короткое

время прерванная печатанием басней Эзопа (изданы до августа 1488 г., Knihopis č. INC015), должна была начаться ещё в 1487 г. Необходимо также считаться и с подготовительными работами по обустройству книгопечатни (которую создавали «с чистого листа»), а также с периодом, когда отлаживался технологический процесс печати. Перечисленные обстоятельства временной горизонт основания книгопечатни отодвигают по меньшей мере к 1486–1487 гг., т. е. к периоду, когда Северин, вероятно, ещё не был собственником дома.

Выявленное противоречие следует признать кажущимся. Локализация книгопечатни в указанном месте абсолютно обоснована. П. Войта подвёл источник, из которого он черпал сведения об имущественных приобретениях Северина. Автор использовал данные из сочинения Франтишека Рута «Kronika královské Prahy a obcí sousedních» (1904), а именно: Vzadu vedle radnice bývala obecní dřevnice a vedle domek *u půl zlatého měsíce*; r. 1660 bylo jen zbořeniště, jež tehdy koupila obec («Сзади рядом с ратушей находилась городская поленница, а рядом домик “У наполовину золотого месяца”. В 1660 г. были лишь развалины, которые тогда купил город») [13, s. 994]. Название дома «У наполовину золотого месяца» краевед-популяризатор сопроводил ссылкой, в которой двусмысленно указал: r. 1466 král Jiří jej daroval král. kuchaři Petru Pickovi. Od jeho vdovy dům kupil kramář Severin, spolunakladatel a tiskař bible české r. 1488; po něm syn Pavel Severin z Kapí Hory, též knihtiskař («в 1466 г. король Йиржи (из Подебрад. – И. Л.) его (дом. – И. Л.) подарил королевскому повару Петру Пицку. У его вдовы дом купил купец Северин, один из издателей и печатник библии чешской в 1488 г. После него [домом владел] сын – Павел Северин из Капи Горы, тоже книгопечатник»). Предложение вводило читателей в заблуждение: можно было подумать, что Северин в 1488 г. приобрёл недвижимость. На самом же деле вместо ожидаемой информации (о годе приобретения дома) автор повторил тривиальный факт: Северин связан с изданием Пражской Библии 1488 г.

Фрагментарные сведения Ф. Рута являются к тому же вторичными. Не имея возможности систематически работать в архивах, автор Хроники пользовался услугами Йозефа Тайге (Josef Teige). Профессиональный исследователь-архивариус в то время работал над трудом «Staroměstský rynk v Praze» (1908). Черновой вариант книги он мог одолжить Ф. Руту, который им воспользовался в своих нуждах. Только так можно объяснить многочисленные примеры практически полного совпадения текста. Ср. у Й. Тайге: Hned vedle radnice vzadu při obecní dřevnici byl domek zvaný “*u půl zlatého měsíce*”. R. 1660 byl již sbořeništěm “samým rumem naplněným”. Proto povolila komora královská onoho času obci, aby jej k radnici připojila <...> Dříve náležel tento dům rodině Severinů, jejíž zakladatel kramář Severin jest pamětihoný jako spolunakladatel a tiskař bible české z r. 1488. I syn jeho Pavel Severin z Kapí Hory (de Monte Cuculi) provozoval tiskařství («Прямо возле ратуши сзади у городской поленницы был домик, называемый “У наполовину золотого месяца”. В 1660 г. был уже руиной “одними камнями и мусором наполненной”. Поэтому Королевская палата разрешила тогда

городу присоединить её к ратуши. <...> До этого этот дом принадлежал семье Северинов, глава которой, купец Северин, знаменит как один из издателей и печатник библии чешской 1488 г. [издания]. И сын его Павел Северин из Капи Горы занимался книгопечатанием») [15, с. 23].

В труде Й. Тайге в отличие от Хроники Ф. Рута нет никакой неопределённости. Более того, архивариус познакомил с некоторыми важными подробностями, которых нет у Ф. Рута: Ještě uvést jest starší dějiny tohoto domu, před kramářem Severinem. Ten koupil jej totiž od Markéty, vdovy po Petrovi Pickovi, kr. kuchaři, r. 1484 za 40 kop, kterému daroval jej král Jiří jako výsluhu r. 1465 ze svého jméní («Ещё необходимо познакомить с древней историей данного дома. Северин дом купил у Маркеты, вдовы Петра Пицка, королевского повара, в 1484 г. за 40 коп; ему же (Пицку. – И. Л.) его подарил король Йиржи (из Подебрад. – И. Л.) в 1465 г. за службу») [15, с. 24]. Информацию о предшествующем владельце, где приобретения и стоимости дома Й. Тайге сопроводил сноской на архивный источник: sign. 2106, f. 137 [там же, сноска № 3]. Ценная рукопись – «*Liber contractuum viridis II*» – погибла во время пожара старогородской ратуши 8.V.1945. К счастью для нас, в другом своем монументальном труде «*Základy starého místopisu pražského*» (1910) архивариус процитировал им использованный источник: Severinus institor et Anna emerunt domum in platea post pretorium penes domum Laurini et ad ursus utrinque situatam a Margeretha Pickova pro XL s. gr. pr. Act. fer. V. post Ambrosii («В четверг после св. Амброзия [8.04.1484] купец Северин и Анна у Маргариты Пицк за 40 коп Пражских грошей купили дом [находящийся] на улице за ратушей [и] стоящий у дома Лаурина и “У медведя” с обоих сторон [от него]») [16, с. 133].

У домов менялись владельцы, здания объединяли, делили на части, достраивали и перестраивали; соответственно, исходя из нужд, модифицировались и их «домовые знаки» (*domovní znamení*). Несмотря на это, пражская сравнительно-историческая топонимика позволяет надёжно установить, где стояли дома-ориентиры и приобретённая Северином недвижимость. Дом Лаврентия, в труде Й. Тайге обозначенный № 24e, был угловым (из документа 1512 г.: *na rohu vedle domu Severina kramáře*). Он находился на южном конце улицы, к югу по отношению к книгопечатне Северина (ближе к ратуше). Свой дом Лаврентий 20.I.1473 г. передал в собственность «милой жены Екатерины»: Já Laurín, služebník Star. M. Pr. v krámě váhy, vyznávám tiemto listem etc., že ačkoli z dopuštěnie božieho nemocen jsem etc., takže domek muoj za chlebnými kotci, v němž bydlím, <...> bez všeliké vymienky a pozostavenie dal sem dobrovolně a mocí tohoto kšaftu mého – Kateřině, manželce mé milé... (sign. 2119, f. Q.10) [16, с. 141]. Дом U černého medvídka («У чёрного медвежонка»), у Й. Тайге обозначенный № 24c, находился севернее (ближе к костёлу св. Николая). К нему с восточной стороны прилегал дом, называемый Stodola («Сарай») или же домом U divého muže («У лешего») (см. ил. 12).

Для нас сейчас важны не частные обстоятельства приобретения дома, а точная датировка данного события. Владельцем недвижимости «за ратушей»

Северин стал 8 апреля 1484 г. Таким образом, снимаются все проблемы, связанные с условной хронологией: в период с 1484 г. и по август 1488 г. было достаточно времени и для организации книгопечатного дела, и для издания Пражской Библии. В 1554 г. после смерти отца Викторин Северин (Viktorín Severin) дом «У наполовину золотого месяца» за 140 коп продал Кришпину Шултису из Чимиц (Kryšpín Šultys z Čimic) [16, s. 137]. Так закончился плодотворный 70-летний период, когда дом принадлежал двум издателям: купцу Северину (1484–1520) и Павлу Северину (1520–1553/1554).

Позднее собственники дома неоднократно менялись: в 1555 (Jiřík Mon, 140 коп), 1560 (Jakub Šindel z Ebrharce, 150 коп), 1588 гг. (Alžběta Wilholcová, 200 коп). Высокая покупная цена говорит о том, что до конца XVI в. недвижимость находилась в добром состоянии. Алжбета Вилхольцова, купившая дом в 1588 г., вышла замуж за Матеса Гинтера (Mates Ginter, †1621). Их дети, Даниэль и Матиаш (Daniel a Matyáš bratří Ginterové (Günther)), были последними частными домовладельцами. В 1630 г. в их доме жил всего один съёмщик, причём строение уже находилось в аварийном состоянии: *všechnen na upadnutí a na štemflích postaven jest a tolíko jeden nájemník a to dosti nebezpečně v něm zůstává* («практически падает и на подпорах стоит, и только один съёмщик, рискуя жизнью, в нём остается») [11, s. 100]. В связи с этим необходимо обратить внимание на исторические причины стремительного обветшания дома. Кажется, что они на прямую взаимосвязаны с событиями 1618–1620 гг., т. е. с Восстанием чешских сословий (его последствиями) и началом Тридцатилетней войны.

После поражения на Белой горе (8.XI.1620) начались репрессии и массовая эмиграция протестантов. Волна «изгнанников веры» захлестнула и мещанский род Гинтеров. Архивные материалы побелогорского периода активно изучал историк Вацлав Лива (Václav Líva), который установил, что дом «У (золотого) полумесяца» у семьи Гинтеров конфисковали, а в 1630 г. оценили в 642 копы обесцененных мейсенских грошей. Таким образом, на доме оказались непростые события тех лет. Имущество протестантов тогда разоряли и нагло разворачивали, в их домах расквартировывали солдат, содержание которых для собственников недвижимости становилось непосильной обузой. Законные владельцы недвижимости массово убегали из Чехии с надеждой на скорое возвращение домой, однако со временем выяснилось, что их ожидания напрасны. Брошенные дома пустовали и приходили в негодность, особенно те, которые по каким-то причинам не обрели новых собственников. В 1660 г. Королевская палата, как сообщает Й. Тайге, дом передала в ведение городского магистрата. Это может значить, что после конфискации он 30 летостоял в запустении, постепенно превращаясь в развалину и свалку.

Необходимо уточнить ещё один частный аспект. Полагаем, что нельзя утверждать, будто бы дом в 1660 г. снесли. К такой интерпретации предрасполагает отглагольное существительное *zbořeniště* «развалина», употребленное Ф. Рутом и Й. Тайге. Мотивирующая основа – глагол *zbořit* «снести, разрушить» – вносит семантический компонент «подлежащий сносу». На самом деле дошедшие до нас

источники о сносе ничего не сообщают. Й. Тайге, лучше кого бы то ни было знакомый с архивными материалами (многие из которых ныне уже не существуют), пишет, что дом «присоединили к ратуше», причём формулировка *samým růstem naplněný* («одним строительным мусором наполненный») указывает на то, что в тот момент строение было необитаемым, но имело стены и внутреннее пространство. Приводя рядом стоящую «руину» в порядок, магистрат Старого города мог что-то перестроить и приспособить, однако неизменными остались, по обыкновению того времени, фундамент и несущие стены (по крайней мере первого этажа, где некогда и располагалась книгопечатня).

Дом, некогда известный как дом «У наполовину золотого месяца» / «У (золотого) полумесяца», в отремонтированном и/или в (существенно) перестроенном видеостоял на своём месте ещё долгие десятилетия. Его дальнейшую судьбу предопределило соседство с бурно развивающейся ратушей, которая, к сожалению, поглотила многие рядом стоящие постройки. Необходимость кардинальной перестройки всего ареала стала особенно очевидной в 1784 г., когда Иосиф II под началом одного магистрата объединил сразу 4 города средневековой Праги: Старый город, Новый город, Малый город и Градчаны. В период 1784–1787 гг. острую нехватку помещений решали путём перепланировки древнейшего готического ядра ратуши. Постройки, примыкающие к магистрату с севера, в том числе и бывший дом купца Северина, тогда затронуты не были. Их очередь подошла в четвёртом десятилетии XIX в.

Для осуществления грандиозных строительных планов понадобилось выкупить прилегающие дома, к тому времени всё ещё находившиеся в частном владении: 15.IV.1830 ратуша приобрела дом Stodola «Сарай» (№ 24a, он же U dvou divých mužů («У двух леших»)); 21.XII.1832 – дома U Zlaté koruny «У золотой короны» (№ 937) и Šmerhov («Шмерхов») (№ 938); 5.VIII.1935 – U (velkého) kohouta («У (большого) петуха») (№ 2). Расчистка территории, отведённой под строительство нового крыла ратуши, началась с давно принадлежащего магистрату дома «У наполовину золотого месяца» (№ 24) и с недавно приобретенного дома «Сарай» (№ 24a). Снос производили зимой 1833 г., так что к началу февраля 1834 г. дома уже полностью сравняли с землёй. Вплоть до 1833 г. в домах обитали 11 жильцов-съёмщиков [15, с. 60]. К сносу соседних домов – «У золотой короны» и «Шмерхоф» – приступили на несколько лет позже, 5.V.1838 (ил. 4).

На освободившемся пространстве в период 1838–1848 гг. по проекту Петера Нобиля (Peter Nobile) воздвигли северное крыло старогородской ратуши. Громоздкий неоготический комплекс в общих чертах повторял контур старой застройки. В этом легко убедиться, сравнив план Праги Йозефа Ютнера 1816 г. (ил. 5) и кадастровую карту 1842 г. (ил. 6).

Кадастровая карта 1842 г. запечатлела переходную ситуацию. Старые дома (№ 24, 24a, 937, 938) были уже снесены, на их месте возводили северо-восточное крыло магистрата, но строительство тогда было ещё в самом разгаре. Одним и тем же красным цветом обозначено как историческое ядро ратуши (южная часть), так и новостройка. Чиновники магистрата новые рабочие помещения



Ил. 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.milujuprahu.cz/wp-content/uploads/2014/07/1839.jpg> Рудольф фон Альт (Rudolf von Alt). Снос восточного крыла ратуши в 1839 г.  
Акварель

начали занимать с конца 1847 г. Отдельные доработки и время официального окончания строительства приходятся на 1848 г.

Возведение неоготического крыла ратуши потребовало многих усилий, финансовых затрат и жертв. Проект П. Нобиля (неоднократно корректируемый) во многих отношениях оказался более «щадящим», однако, несмотря на это, всё же была уничтожена презентативная восточная часть готической ратуши (где с другими бургомистрами некогда заседал и купец Северин). Стройка серьезно



Ил. 5. Карта из частного собрания. Й. Ютнер (Josef Jüttner). Карта Праги (Plan der könig. Hauptstadt Prag / trigonometrisch & topographisch aufgenommen von den Oberlieut. Joseph Jüttner des h.h. Baron von Schuhey). 1816 г. Фрагмент

повредила наугольную башню с Пражским орлом. В конце концов исчезла ценная застройка эпохи ренессанса и барокко (возможно, и более ранних эпох), в том числе и дом «У наполовину золотого месяца». В сердце города неожиданно выросла новая доминанта, совершенно несоразмерная и выпячивающаяся на фоне окружающих строений. Целостный характер средневековой площади, таким образом, был безвозвратно утрачен (см. подробный Ситуационный план 1835 г. (ил. 7)).

Судьба новостройки сложилась неудачно. На центральной площади Старого города во время Пражского восстания разгорелись бои. Немцы из танков обстреливали ратушу, которую в то время заняли повстанцы. 8 мая 1945 г. ратуша Старого города дотла выгорела (ил. 8). В огне погибли уникальные рукописи, некоторые из них содержали ценные сведения о пражском периоде

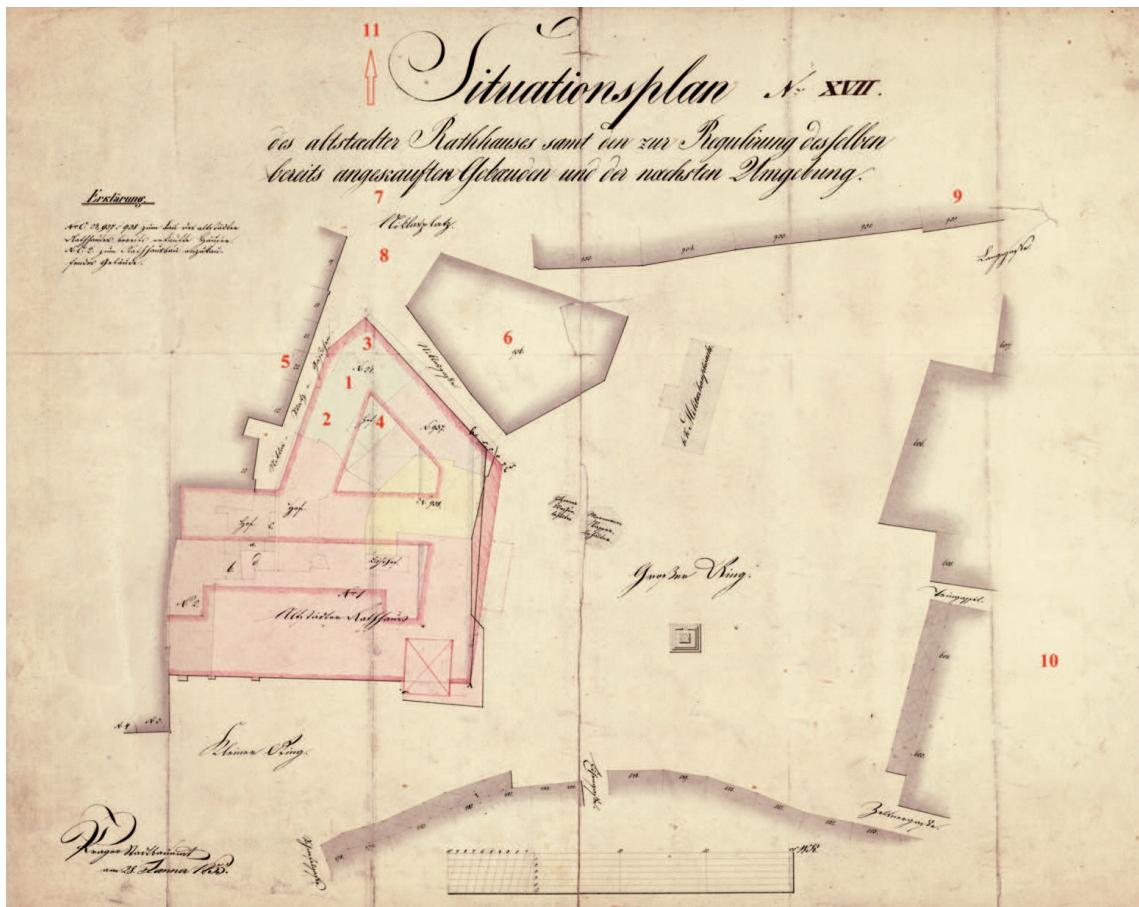


Ил. 6. Ústřední archiv zeměměřictví a katastru. Кадастровая карта 1842 г. (Stabilní katastr r. 1842, Císařské povinné otisky map stabilního katastru Čech, 1824–1843)

жизни и деятельности Ф. Скорины. Остов северо-восточного крыла ратуши снесли в 1948 г., т. е. ровно сто лет спустя после его постройки.

Контур средневекового квартала и несостоявшейся ратуши в настоящее время обозначает парк, разбитый на данном месте лет 20 назад (ил. 9, 19).

После сноса неоготического комплекса открылся неприглядный вид на двор и соседнюю улицу. На этой «внутренней» (по отношению к площади) улице и стоял некогда дом Северина (*domus Severini institoris*), в котором печаталась первая славянская библия и Бивлия Ф. Скорины. Улица (сегодня – ul. Mikulášská) когда-то начиналась у романского костела св. Николая. Комплекс домов, находившийся с правой стороны, поменял свой облик, но сохранился вплоть до наших дней. Дома, располагавшиеся с противоположной стороны, в 1834–1848 гг. поглотила неоготическая ратуша. Справа по улице, где-то в 40 м от костела св. Николая, сейчас стоит дом U Zlaté husy («У золотого гуся»; сегодня –



Ил. 7. Situationsplan № XVII. des altstädter Rathhauses samt den zur Regulirung desselben bereits angekauften Gebäuden und der nächsten Umgebung – АНМР. Inv. č.: 391; sign. stará: P 17/30, sign. nová: MAP I 3/391a (1 – дом купца Северина (с 1484 г.) – «У наполовину золотого месяца»; 2 – дом Лаврентия; 3 – дом «У медведя»; 4 – внутренний двор; 5 – дом «У золотого гуся», в собственности Яна Северина с 1499 г.; 6 – Крженов дом, снесён в 1901–1902 гг.; 7 – Костёл св. Николая; 8 – Куриная площадь; 9 – дом «У корабля», в собственности купца Северина с 1504 г.; 10 – Тынский костёл; 11 – еврейское гетто)

ul. Mikulášská č. p. 22/8), который когда-то тоже принадлежал семье Северинов. 28 января 1499 г. Ян Северин вместе с женой Катериной приобрели этот дом: Johannes, filius Severini, et Katherina emerung domum a Dorothea Pelesska pro LXXV s. prag. Act. fer. II. ante Purif. (sign. 2107, f. 160) [16, s. 149]. На противоположной стороне улицы, как раз напротив этого дома, находился дом отца – купца Северина. Во время, когда в Праге издавали Библию Русскую, данная улица ещё не заканчивалась тупиком. От костёла св. Николая она спускалась на юг в направлении ратуши. За угловым домом Лаврентия уличка с внутреннего двора ратуши под углом 90 градусов сворачивала на восток. Здесь начиналась уличка-пассаж, выводившая прямо на Рыночную площадь Старого города.

Возведение ратуши в первой половине XIX в. имело один положительный для нас эффект. В рамках подготовки проектно-сметной документации были



Ил. 8. АНМР. Sign.: I 5384. Ратуша. Фотография, сделанная после 8.V.1945



Ил. 9. Площадь Старого города. Современное состояние. Фотография Рихарда Горака (Richard Horak). 2013 г.

изготовлены масштабные чертежи, где контур планируемого объекта налагался на инженерно-топографический план застраиваемой территории. Такой план (Josef Sakař), содержащий планировку первого и второго этажей старой застройки, в своей книге «Staroměstský rynk v Praze» издал Й. Тайге (приложения № 6–7; ил. 10, 13).

Пунктирной линией обозначен периметр неоготической ратуши. Местоположение оригинала, которым воспользовался Й. Тайге, остается для нас неизвестным, поэтому ниже приводим и подробный чертеж инженера Г. Варваржовского (G. Varvařovský), датированный 1935 г. (ил. 11).

На планах Йозефа Сакаржа и Г. Варваржовского недвижимость, некогда принадлежавшая купцу Северину, изображена в составе здания № 24, т. е. план передает градостроительную ситуацию рубежа XIX–XX вв., отличающуюся от плотной застройки XVI в. Утратив свои опознавательные знаки, старые дома под общим номером вошли в состав одного большого строения, однако между ними, т. е. составными частями сводного дома, просматриваются существенные отличия. Так, заметно отличается толщина несущих стен. Южная часть, которая исторически соответствует дому Лаврентия, имела отдельный главный фасад и была более низкой. О многом говорит план кровли и внутренняя планировка помещений, в особенности местоположение дверных проёмов (ил. 10–13). Учитывая архитектурно-строительные особенности и исходя из сведений собранных Й. Тайге, выделяем несколько первоначальных строений, в XV–XVI вв. принадлежавших разным собственникам (см. ил. 12).

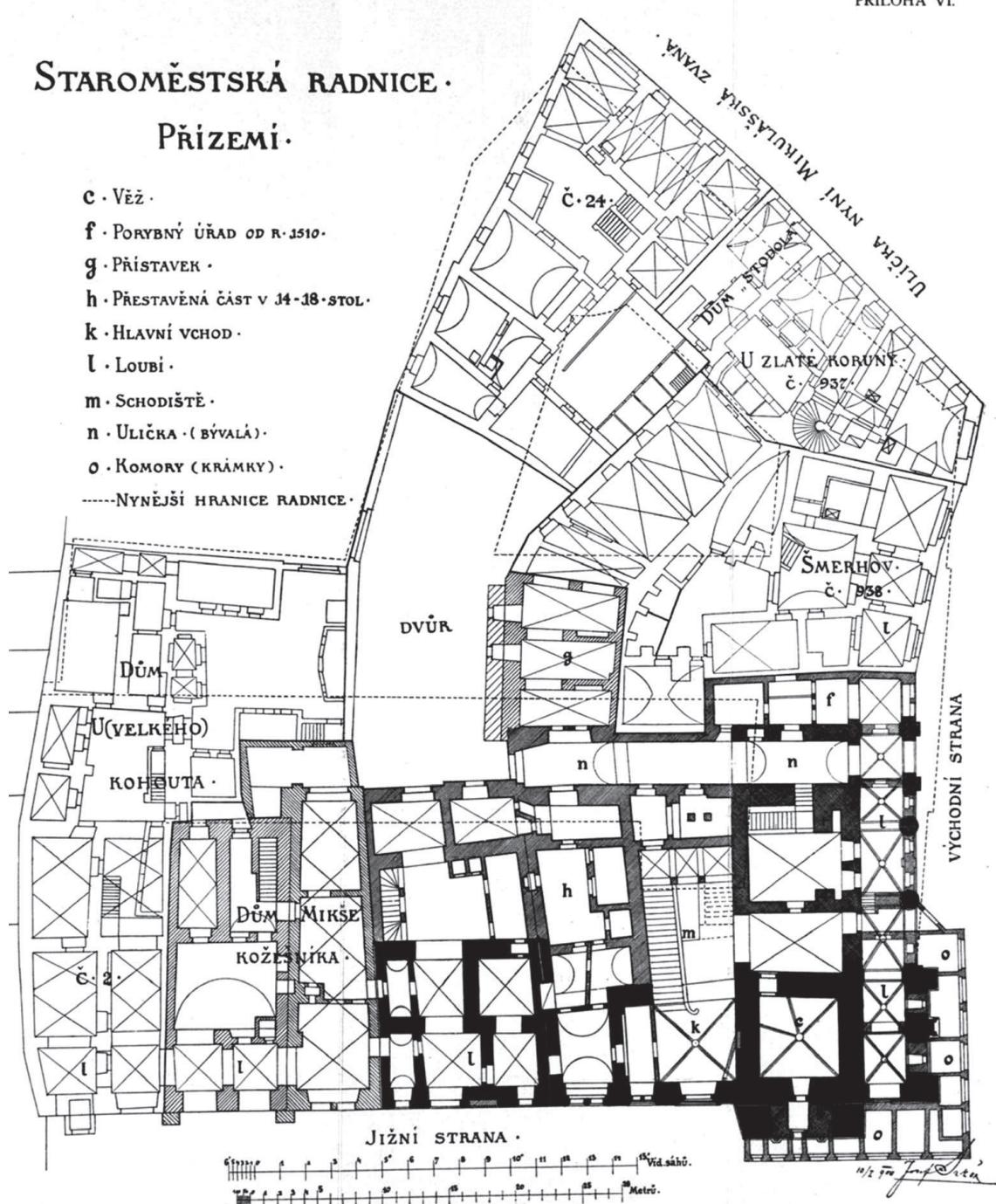
Таким образом, книгопечатня Северина (см. ил. 12: č. 24d) на первом этаже могла располагать двумя большими помещениями общей площадью около 100 м<sup>2</sup> (9×5 м, 9×6 м). Из комнат был доступ во внутренний двор (10×6 м). Так как Северин владел и другой, более комфортабельной, недвижимостью (например, домом U kogábu «У корабля», № 931 [6, s. 31]), то нельзя исключать, что на втором этаже в период 1517–1519 гг. мог жить кто-нибудь из семьи Северина или даже съёмщик типографии, т. е. сам Ф. Скорина (ил. 13).

Мы, к сожалению, не располагаем живописным или фотографическим изображением самого дома. Единственный нам известный аутентичный вид имеет несколько необычную форму. В Столичном музее Праги (Muzeum hlavního města Prahy) хранится бумажная модель Праги Антонина Лангвейла (Antonín Langweil). Усидчивый библиотекарь Клементинума в свободное от работы время из бумаги, картона, краски и древесины создавал миниатюру города в масштабе 1:480. А. Лангвейл, наделённый талантом художника, стремился к детальности и максимальной точности изображения. Автор модели воспроизвоздил разную окраску фасадов, домовые знаки, вывески, нумерацию домов, трещины в стенах и все прочие мелочи, поэтому его хрупкое творение для современного исследователя Праги становится надёжным документальным свидетельством. Бумажная модель Старого города была закончена в 1829–1830 гг. Ниже приводим два изображения: фотографию с высоты птичьего полёта (ил. 14) и детальную цифровую копию здания с более низкой перспективы (ил. 15).

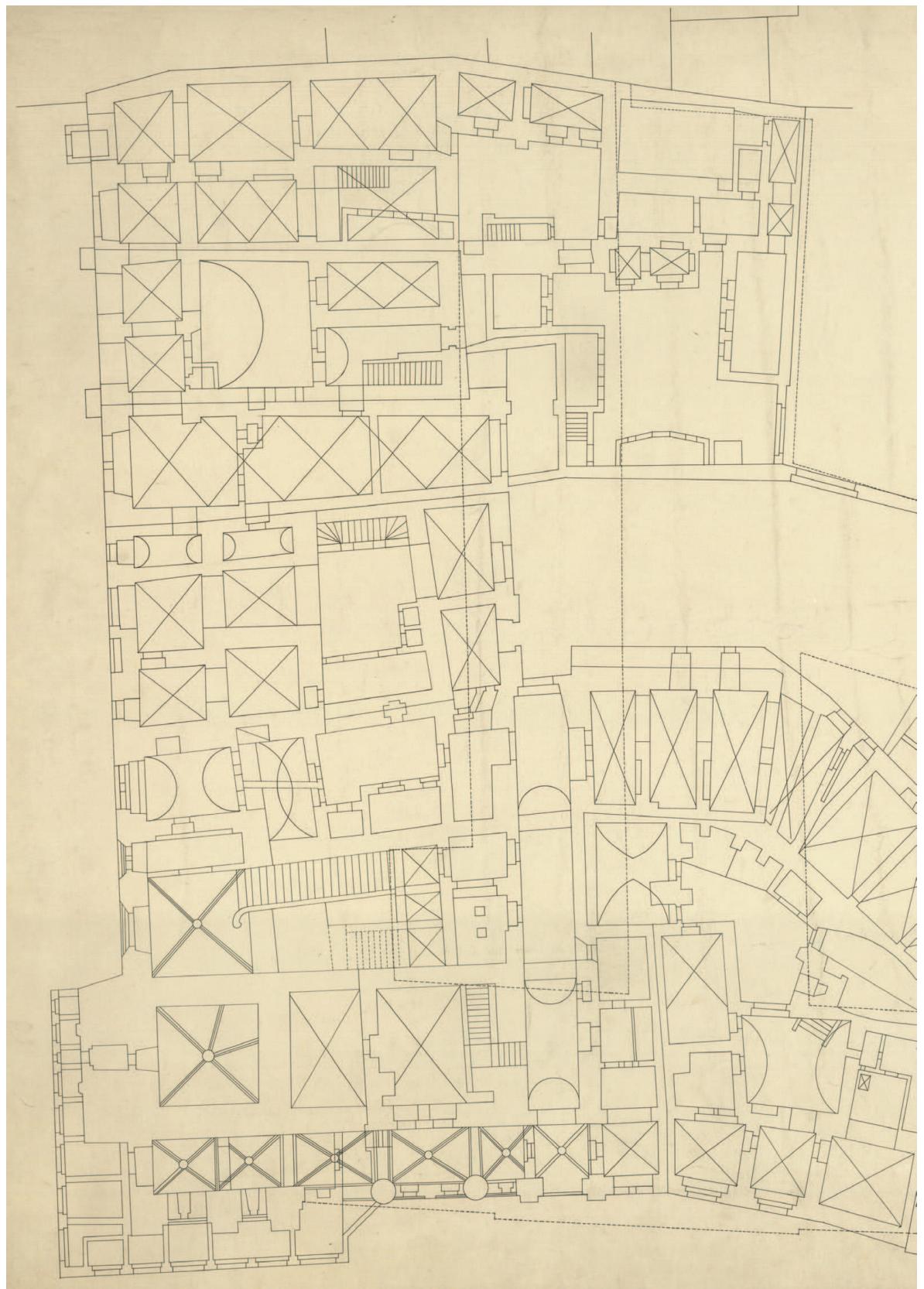
# STAROMĚSTSKÁ RADNICE.

## PŘÍZEMÍ.

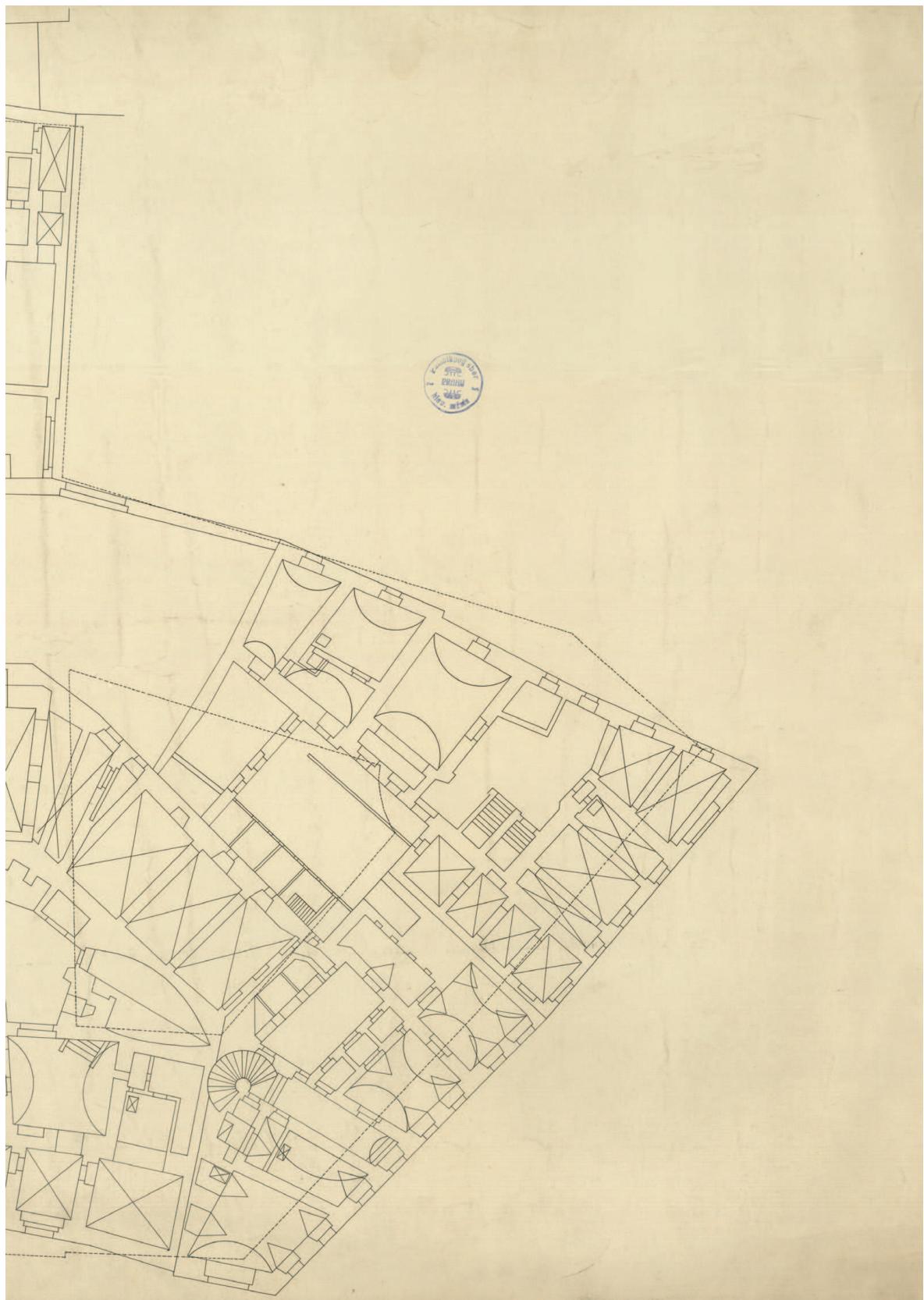
- c . VĚŽ .
- f . PORYBNÝ ÚŘAD OD R. 1510 .
- g . PŘÍSTAVEK .
- h . PŘESTAVĚNÁ ČÁST V 14-18. STOL .
- k . HLAVNÍ VCHOD .
- l . LOUBI .
- m . SCHODIŠTĚ .
- n . ULIČKA (BÝVALÁ) .
- o . KOMORY (KRÁMKY) .
- NYNĚJŠÍ HRANICE RADNICE .



Ил. 10. По изданию: Teige J. Staroměstský rynk v Praze. Praha, 1908. Díl I. XXVI, 436 s.  
Фрагмент инженерно-топографического плана. Первый этаж. План Йозефа Сакаржа  
(Josef Sakař), 1910–1915. S. 26–27



Ил. 11. АНМР. Inv. č.: 2210; sign. stará: P 63/2; sign. nová: MAP P I 3/2210. Застраиваемая территория.



Первый этаж. Инженерно-топографический план Г. Варваржовского (G. Varvařovský), 1836, 1935 гг.



Ил. 12. АНМР. Inv. č.: 2210; sign. stará: P 63/2; sign. nová: МАР Р I 3/2210. Фрагмент инженерно-топографического плана. Первый этаж. По чертежу Г. Варваржовского: č. 24a – в период 1479–1496 гг. объединён с домом «Сарай»; č. 24b – в период 1479–1496 гг. объединён с домом «Сарай»; č. 24c – дом «У чёрного медвежонка»; č. 24d – дом купца Северина «У наполовину золотого месяца»; č. 24e – дом Лаврентия

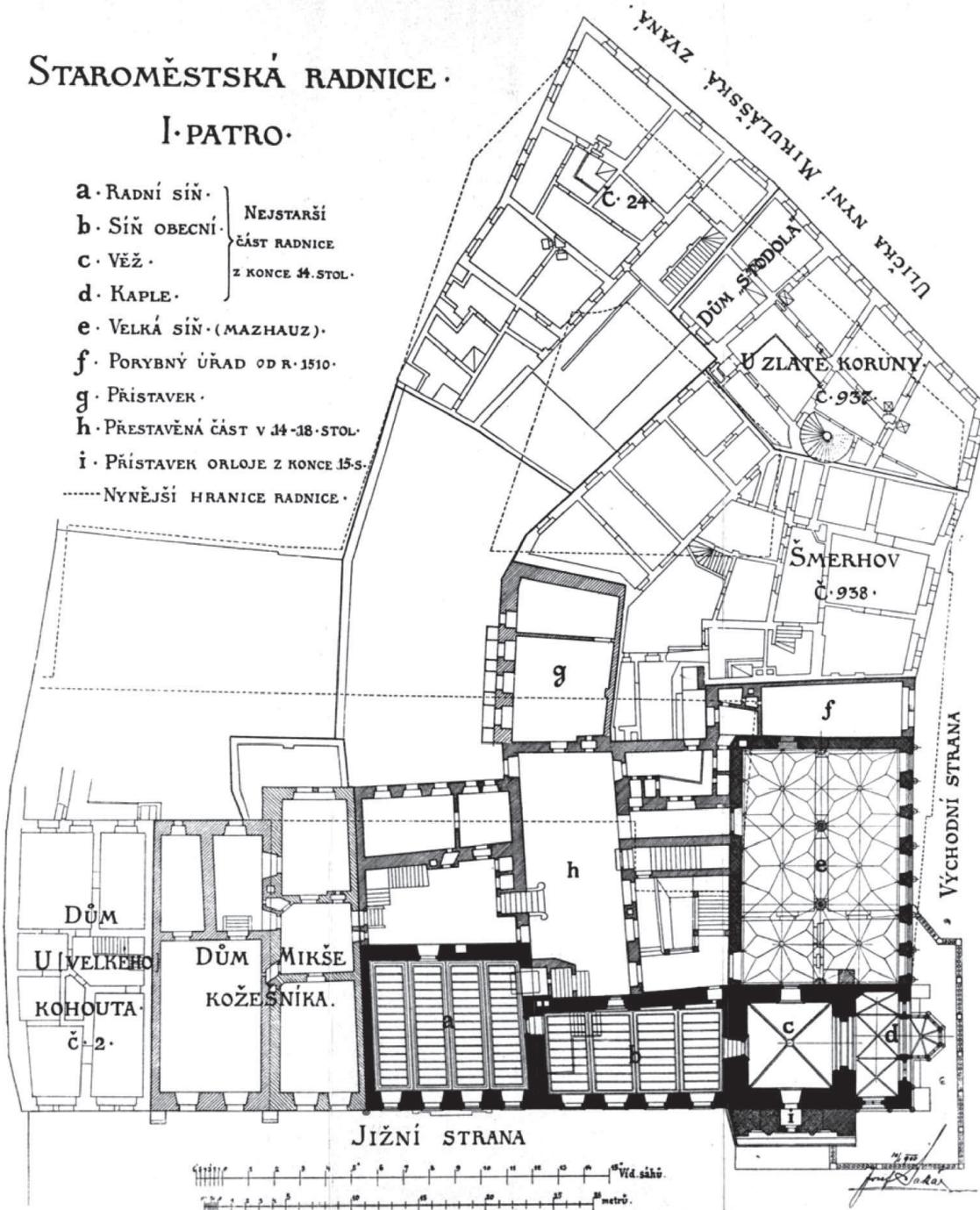
Модель Праги А. Лангвейл создавал на основе выверенной тригонометрической карты Й. Ютнера. Десятикратно увеличенную карту он постепенно «застраивал» бумажными репликами домов, причём вымерял и строго соблюдал все пропорции. Для сравнения приведём более старые попытки панорамного изображения города. Их авторы главное внимание сосредотачивали на архитектонических доминантах: замке, городовых стенах, воротах, костёлах, башнях, дворцах и пр. Интересующий нас дом здесь фигурировал в роли статиста, который в ряду обыденной мещанской застройки терял свои индивидуальные черты.

Военный картограф Йозеф Губер (Joseph Daniel von Huber) в 1769 г. изобразил Прагу с юго-восточного направления. Ратушу Старого города без труда узнаем по орлою и наугольной башне, хотя и не были соблюдены все пропорции. Постройки второго плана изображаются достаточно приблизительно (ил. 16).

## STAROMĚSTSKÁ RADNICE.

### I. PATRO.

- a. RADNÍ SÍŇ.
  - b. SÍŇ OBECNÍ.
  - c. VĚŽ.
  - d. KAPLE.
  - e. VELKÁ SÍŇ (MAZHAUZ).
  - f. PORYBNÝ ÚŘAD OD R. 1510.
  - g. PŘÍSTAVEK.
  - h. PŘESTAVĚNÁ ČÁST V 14.-18. STOL.
  - i. PŘÍSTAVEK ORLOJE Z KONCE 15. S.
  - NYNĚJŠI HRANICE RADNICE.
- NEJSTARŠÍ  
ČÁST RADNICE  
z KONCE 14. STOL.



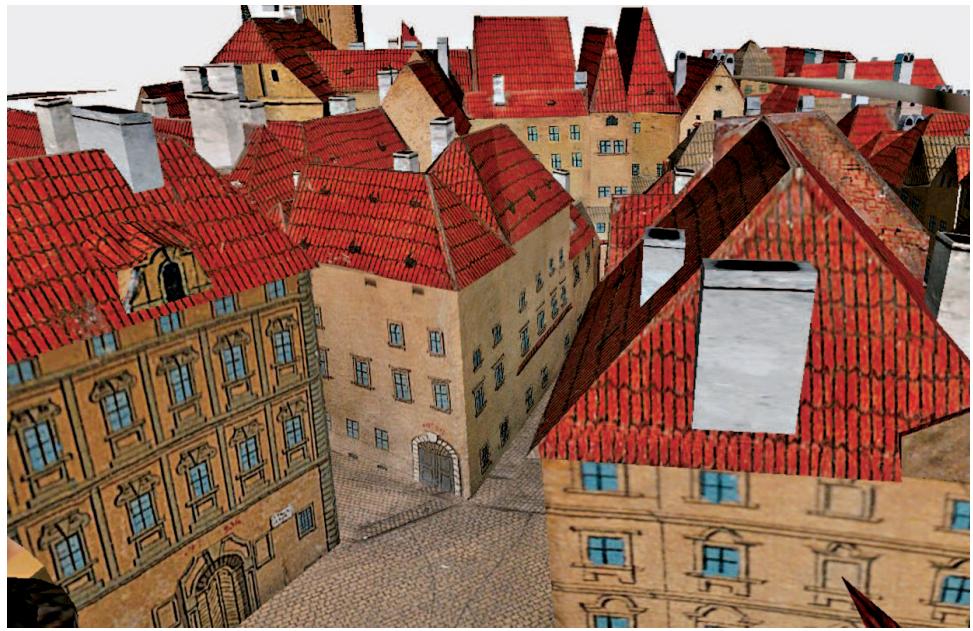
Ил. 13. По изданию: Teige J. Staroměstský rynk v Praze. Praha, 1908. Díl I. XXVI, 436 s.  
Фрагмент инженерно-топографического плана. Второй этаж. План Йозефа Сакаржа  
(Josef Sakař). 1910–1915 гг. S. 26–27



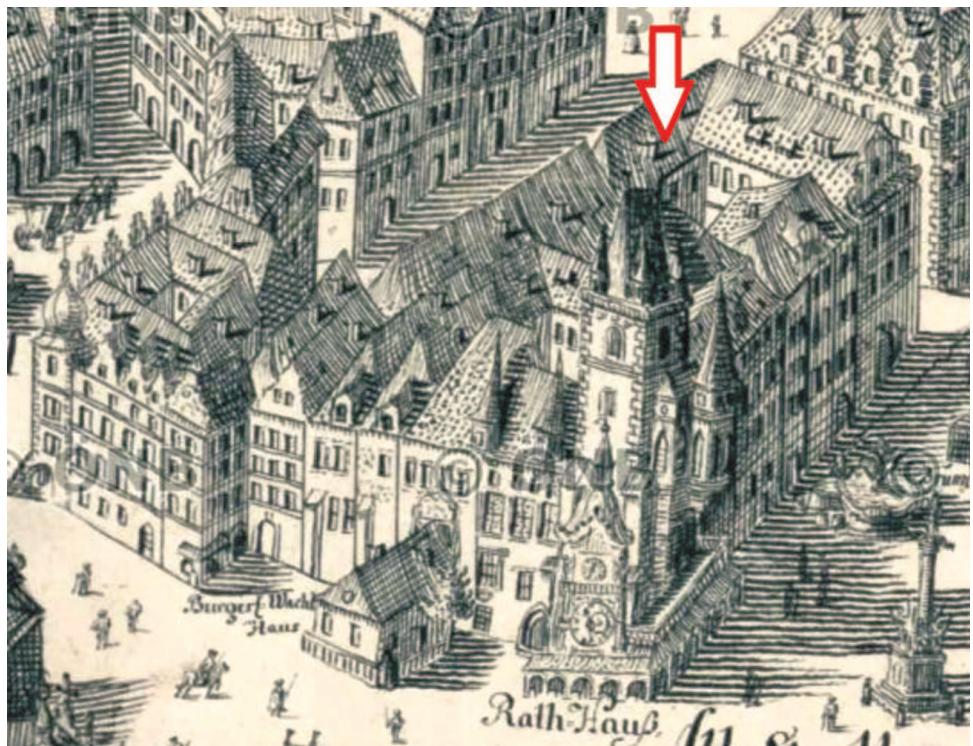
Ил. 14. МНМР. Модель Праги Антонина Лангвейла (Antonín Langweil)

Ещё более сомнительного качества изображение 1685 г. *Praga caput Regni Bohemiae*. Художник (Folbert van Alten-Allen) изобразил юго-западную часть города, причём бросается в глаза стремление автора выровнять кривые улочки Старого города (ил. 17).

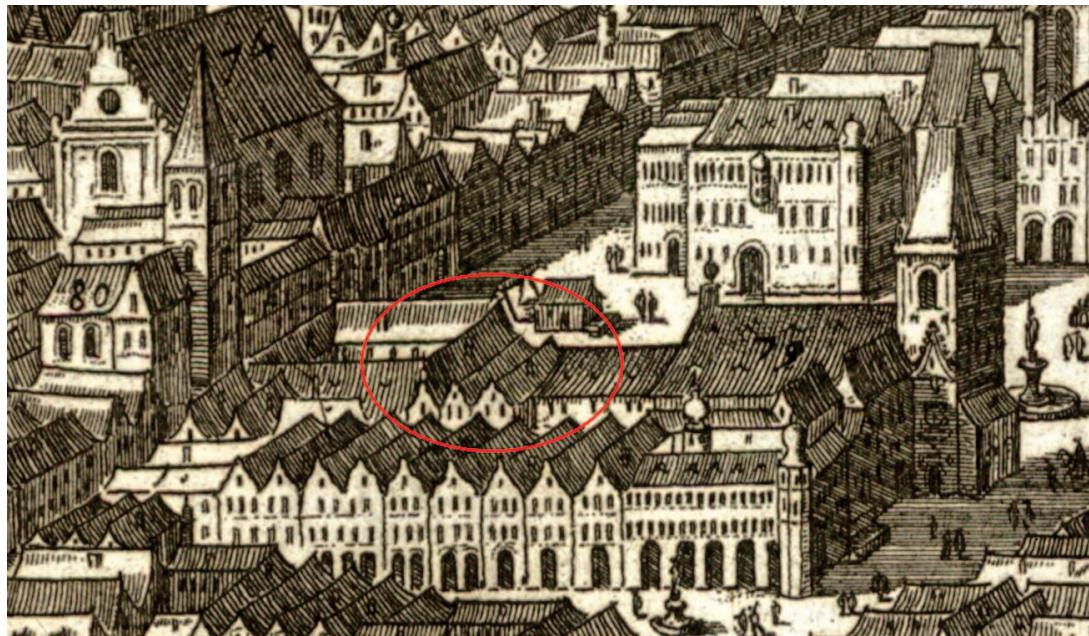
Целая улица и Т-образный перекресток, на который выходил дом Северины, исчезли. По наитию можно указать лишь место, где должно было располагаться интересующее нас здание. Изображение считаем целесообразным использовать по другой причине. В правой части иллюстрации видим костёл св. Николая: строение с романской звонницей, несущее цифровое обозначение 80. Здесь он



Ил. 15. МНМР. Модель Праги Антонина Лангвейла (Antonín Langweil).  
Цифровая копия дома № 24



Ил. 16. ÖN. Sign.: K II 92. Joseph Daniel von Huber. Vogelschauansicht von Prag. 1769 – Ausschnitt mit Altstadt von Prag



Ил. 17. Moravská zemská knihovna v Brně (sign.: Moll-0001. 679). Folbert van Alten-Allen, Praga caput Regni Bohemiae Sac. Caes. Maiestati Leopoldo Primo Romanorum Imperatori, Semper Augusto Domino suo Clementissimo. Gedruckt zu Wien in Oesterreich: bey Johann von Ghelen Universität Buchdruckern, 1685



Ил. 18. АНМР. Sign.: G 90. Площадь перед костёлом св. Николая. Около 1740 г.  
Гравюра на меди

изображен таким, каким был в XVI в. Костёл во время пребывания Ф. Скорины в Праге (1517–1521 гг.) составлял неотъемлемую бытовую кулису, так как дом купца Северина находился прямо напротив костёла св. Николая. Насколько сильно всё изменилось, можно судить по гравюре первой половины XVIII в. (ил. 18).

Художник изобразил «Куриный рынок» (Kurný trh), т. е. площадь перед костёлом св. Николая, с интересной точки – практически у входа в дом, где некогда функционировала книгопечатня. После сноса «Крженова дома» (Křenovův dům) в 1901–1902 гг., изображённого на гравюре справа, данное место стало составной частью центральной площади города. Фотография 1948 г. (ил. 19), сделанная с того же самого места, но обращённая на восток к Тынскому собору, запечатлела процесс, вследствие которого исчез другой рубеж (квартал), отделяющий центральную площадь от улицы св. Николая (сегодня – ul. Mikulášská).



Ил. 19. МНМР. Inv. č. H 043 865. Снос неоготического крыла ратуши. Фотография Йозефа Земана (Josef Zeman). 1948 г.

Неутешительное состояние, в котором вот уже многие десятилетия находится оголенная западная сторона Старогородской площади, давно побуждает к дискуссиям о достройке старой ратуши. Разные проекты обсуждают как профессиональная, так и широкая общественность. Хочется надеяться, что эти планы когда-нибудь сбудутся, так как в таком случае будут произведены необходимые археологические исследования. Велика вероятность того, что будут обнаружены мелкие типографические артефакты (как это было в случае с Кралицкой Библией), относящиеся к деятельности «Печатника Пражской Библии», Г. Коена или же самого Ф. Скорины. Этому будет способствовать сохранившаяся территория двора книгопечатни, часть которого не была затронута в процессе застройки 1848 г.

Подведём итоги. 1. Из-за неблагоприятных исторических обстоятельств место, где работала севериновская книгопечатня, было «выброшено» на центральную площадь Старого города. Чтобы понять, каковым было реальное положение дел в XVI в., необходимо уяснить архитектурно-строительные, топографические метаморфозы XVIII–XX вв. Здание, где до августа 1488 г. печаталась Пражская Библия, а в 1517–1520 гг. – Бивлия Руска, находилось совсем недалеко от Рыночной площади (с северо-запада). Книгопечатня располагалась на так называемом Курином рынке, т. е. на отдельной площади со своей древней доминантой – романским костёлом св. Николая. Рыночную площадь и «Куриный рынок» тогда отделял «Крженов дом» (на карте Ютнера – № 936, снесён в 1901–1902 гг.).

Можно сказать, что книгопечатное дело тогда развивалось на задворках старогородской ратуши. Со внутреннего двора магistrата в направлении костёла св. Николая шла (на север) улица, в верхнем конце которой стоял (справа) угловой дом «У медведя». Рядом с ним находился интересующий нас дом «У наполовину золотого месяца». На Рыночную площадь отсюда выводили улицы, идущие вдоль «Крженова дома». Туда же (на южную часть площади) можно было попасть через вышеупомянутый двор, воспользовавшись узким пассажем, который выводил к восточному крылу готической ратуши. Дороги в северном направлении вели в еврейское гетто.

Таким образом, можно указать точную прописку Бивлии Руской: Старый город Праги (от 30.VIII.1518 – Великий город Праги), «Куриный рынок» (площадь св. Николая), дом купца Северина «У наполовину золотого месяца». В собственности чешских книгоиздателей данный дом находился с 8.IV.1484 по 4.XI.1554. В конце 1833 г., расчищая площадку для строительства неоготического крыла ратуши, здание снесли.

2. Дошедшие до наших дней изображения, строительные планы и чертежи показывают, что дом Северина прекрасно подходил под нужды книгопечатников. На первом этаже находились два просторных помещения, к ним прилегал не менее просторный (по меркам того времени) внутренний двор. По своим габаритам дом значительно превосходил соседние постройки (дом Лаврентия и дом «У медведя»). Широкий периметр дома – самый важный, пожалуй, показатель, так как такое строение завершал объёмный чердак, где сушили отпе-

чатанные листы Библии. Значительный размер чердачного пространства хорошо виден на модели А. Лангвейла.

Для издания одной Библии Руской такой объём площади кажется излишним, но мы должны учитывать, что Ф. Скорина не являлся одним арендатором. Мастерской он пользовался одновременно или чередовался с «Печатником Пражской Библии» и Г. Коэном, а это значит, что в одно и тоже время на чердаке могли сушиться листы, набранные латинскими, кириллическими и еврейскими буквами. Внизу складировали богатый полиграфический материал, которым в течение многих десятилетий поочередно пользовались предшественники Ф. Скорины. Кроме латинских гарнитур в обращении здесь находились еврейские и церковнославянские наборы литер. Тут же хранилась вся (не)давно отпечатанная продукция. Если учтём перечисленные обстоятельства, то территория книгопечатни нам уже не покажется чересчур огромной. «Личная» типография М. Конача, вероятно, была намного скромнее. Безусловно, она не могла состязаться с «печатным домом» (данний термин кажется нам более подходящим) купца Северина, который изначально был предназначен для осуществления грандиозного проекта, т. е. для печатания Священного Писания на чешском языке.

Сохранившиеся чертежи утраченного памятника архитектуры и письменности позволяют составить неплохое представление о рабочем пространстве в книгопечатне купца Северина. Некоторые планы, запечатлевшие старую застройку квартала, были уничтожены во время освобождения Праги 1945 г., но отдельные документы могли сохраниться в архивах Вены, куда на одобрение персыпалась большая часть строительной документации. На основании имеющихся в нашем распоряжении планов можно возвести каменную реплику книгопечатни (например, в Минске) или же её интерактивную визуализацию, доступную для широкой общественности посредством сети Интернет.

3. Совокупность аргументов, при помощи которых П. Войт убедительно реконструировал деятельность печатного дома Северина, расширяем за счёт сравнительно-текстологического анализа колофона. В памятниках письменности XV–XVI вв. многократно встречается фloscula *Ad gloriam venerationemque Dei* и её иноязычные подмножества, однако только у «Печатника Пражской Библии» и у Ф. Скорины – и там и здесь в составе Библии – находим «индивидуальную» лексико-сintаксическую обработку данной фразы. Безусловно, это не случайное совпадение.

Для Ф. Скорины данная фраза становится смыслонесущей и текстообразующей: проникает и в колофоны, и в предисловия отдельных библейских книг, и на саму титульную страницу. Фраза преподносится как в прозаическом, так и в стихотворном виде. То, что современный читатель склонен воспринимать как авторский текст и «визитную карточку» всей Библии Руской, уходит своими корнями в риторику средневековья. В случае с Ф. Скориной мы, однако, вправе выделять вполне конкретный и поздний источник. Этим источником, оказавшим непосредственное влияние на «автора», была Пражская Библия, а значит, книгоиздатель ВКЛ был с ней прекрасно знаком.

4. Текстологическая взаимосвязь, наблюдалась между колофоном Пражской Библии и паратекстом Бивлии Руской, побуждает к переоценке широко распространённого стереотипа, будто Ф. Скорина в процессе подготовки своего «перевода» использовал Венецианскую Библию (1506). На каком, собственно, основании было сделано такое категоричное заключение?

Да, в скориновском тексте присутствуют лексические богемизмы и синтаксические обороты, присущие итальянскому чешскоязычному изданию 1506 г., которые отдаляют библейский текст от церковнославянских образчиков перевода. Но ведь те же самые богемизмы и языковые особенности свойственны и *всем* более ранним изданиям Священного Писания на чешском языке! Венецианская Библия – репрезентант так называемой четвертой (печатной) редакции Чешской Библии. Данную группу представляет семь памятников, три из которых (содержащие Старый Завет) в период печатания Бивлии Руской теоретически были доступны Ф. Скорине. Это Пражская Библия 1488 г., иллюстрированная Кутногорская Библия 1489 г. и, третья по счёту, Венецианская Библия 1506 г. Между отдельными репрезентантами четвертой редакции совершенно незначительные отличия (на уровне графики, орфографии и отдельных грамматических форм), которые не позволяют со всей строгостью установить (только на основании анализа языковых особенностей «перевода»), каким же изводом печатной Библии Ф. Скорина воспользовался.

По наличию иллюстративного аппарата и по времени печатания пражским изданиям Ф. Скорины ближе Венецианская Библия, однако в плане редакционной обработки текста это далеко не определяющие факторы. Издатель мог хорошо знать Венецианскую Библию (равно как и иллюстрации к Библии Кутногорской), но текстом данной книги не пользоваться. Необходимо также учитывать менталитет человека XVI в., которому «добросовестный» перевод первого (!) издания Библии мог казаться куда более авторитетным. И неудивительно, ведь его создавали «пражские университетские учёные мужи» (*tužiov včženych Mistrnow Pražskych*), а не где-то по соседству живущий утраквистский священник – своего рода конкурент Ф. Скорины, который при переиздании в первоначальный («истовый») текст внёс лишь определенные стилистические корректуры.

Куда более весомыми для нас должны быть другие критерии: место издания и эксклюзивная текстологическая взаимосвязь. В процессе подготовки и издания Бивлии Руской пражская инкунабула находилась у Ф. Скорины прямо «под рукой», в прямом смысле слова. Книги, в том числе и бестселлеры своей эпохи (вроде Библии или гербариев), в XVI в. раскупались медленно. Тиражи лежали и ждали своего покупателя долгие и долгие десятилетия, таким образом, велика вероятность того, что в доме «У наполовину золотого месяца» складировали давным-давно отпечатанные листы первой Чешской Библии. К тому же в 1517 г. бок о бок со Ф. Скориной должен был работать и сам «Печатник Пражской Библии». По всей видимости, всё это и предопределило лучшее знакомство с пражской инкунабулой 1488 г. и её влияние (вполне естественное

с точки зрения места издания) на паратекст Бивлии Руской. Со стороны Венецианской Библии мы не имеем ни одного подобного примера, т. е. ни одного случая исключительного влияния на основной или сопроводительный текст книги. Осязаемое «влияние» заметно лишь в иллюстрациях. Слово «влияние» заключаем в кавычки по той простой причине, что данное влияние опосредовано: затронуло не самого Ф. Скорину, а пражских художников, которые выполняли заказы книгоиздателя.

Таким образом, редактируя церковнославянский тест, Ф. Скорина использовал печатный вариант Священного Писания, относящийся к Четвертой редакции Чешской Библии. На паратекст и, по всей видимости, на сам «перевод» оказала влияние чешская инкунабула 1488 г., т. е. Пражская Библия, изданная в той же самой книгопечатне в доме у купца Северина. Венецианская Библия 1506 г., наверняка известная Ф. Скорине, если и оказала какое-то влияние, то опосредованное и художественно-декоративное.

5. Книги, изданные в доме «У наполовину золотого месяца», похожим образом прославляют «славный Старый город Пражский». Данная черта роднит публикации «Печатника Пражской Библии», книги Г. Коэна и серию библейских книг на церковнославянском языке. Колофоны Ф. Скорины, а может быть, и некоторым книжным иллюстрациям, характерна любопытная особенность: они, к нашему удивлению, оперативно реагируют на местные исторические события 1517–1519 гг. (внутрипражские и не только).

## Литература

1. Ісаєвич, Я. Д. Початки кириличного друкарства / Я. Д. Ісаєвич // Історія української культури: у 5 т. – Київ, 2001. – Т. 2: Українська культура XIII – першої половини XVII століття. – С. 284–290.
2. Лебедзеў, Г. Скарына – першадрукар? Не, Скарына – першавыдавец / Г. Лебедзеў // Беларусіка = Albaruthenica. – Мінск, 1993. – Кн. 1. – С. 285–298.
3. Немировский, Е. Л. Франциск Скорина: жизнь и деятельность белорусского просветителя / Е. Л. Немировский. – Минск, 1990. – 597 с.
4. Войт, П. Новые сведения о деятельности Франциска Скорины в Праге (1517–1519) / П. Войт // Vilniaus universiteto bibliotekos metraštis. 2015. – Vilnius: Vilniaus universiteto biblioteka, 2015. – Р. 339–373.
5. Войт, П. Пражская книжная культура в период деятельности Франциска Скорины / П. Войт // Матэрыялы X Міжнар. кнігазнаўчых чытанняў «Кніжная культура Беларусі XVI – сярэдзіны XVII ст.: да 440-годдзя выдавецкай дзейнасці Мамонічаў», Мінск, 17–18 крас. 2014 г. – Мінск, 2014. – С. 10–22.
6. Adámek, K. V. Bible Pražská z roku 1480 a jiné pravotisky pražské knihtiskárny Jana Bílého od Čápu / K. V. Adámek // Věstník České akademie věd a umění 37. – Praha, 1928. – S. 27–48.
7. Archiv český čili Staré písemné památky české i moravské, sebrané z archivů domácích i cizích. – Praha, 1900. – Díl XVIII. – 615 s.
8. Čelakovský, J. Codex juris municipalis Regni Bohemiae / J. Čelakovský. – Praha, 1886. – T. 1: Privilegia civitatum Pragensium. – 812 s.
9. Kotrba, V. Nové město Pražské – «Karlstadt» – v univerzální koncepci císaře Karla IV / V. Kotrba // Z tradic slovanské kultury v Čechách. – Praha, 1975. – S. 53–66.
10. Lemeškin, I. Skorina ir Čekija. Ruseniškoji Biblija / I. Lemeškin, P. Voit // Pranciškaus Skorinos «Ruseniškajai Biblijai» – 500 / sud. S. Narbutas. – Vilnius, 2017. – P. 49–68.

11. Líva, V. Studie o Praze pobělohorské. III. Změny v domovním majetku a konfiskace / V. Líva // Sborník příspěvků k dějinám Hlavního města Prahy. – Praha, 1935. – Díl IX. – S. 1–439.
12. Prokeš, J. Dějiny Prahy / J. Prokeš. – Praha, 1948. – 748 s.
13. Ruth, F. Kronika královské Prahy a obcí sousedních. Sv. V. Purkyňova ulice. Žofín / F. Ruth. – Praha, 1904. – 1246 s.
14. Sixtová, O. Počátky pražské hebrejské typografie. 1512–1569 / O. Sixtová // Hebrejský knihtisk v Čechách a na Moravě. – Praha, 2012. – S. 75–122.
15. Teige, J. Staroměstský rynk v Praze / J. Teige. – Praha, 1908. – Díl I. – XXVI, 436 s.
16. Teige, J. Základy starého místopisu pražského. 1437–1620 / J. Teige. – Praha, 1910. – Díl I: Staré město Pražské. – 829 s.
17. Tobolka, Z. Dějiny československého knihtisku v době nejstarší / Z. Tobolka. – Praha, 1930. – 106 s.
18. Tomek, V. Dějepis města Prahy / V. Tomek. – Praha, 1894. – Díl X. – 632 s.
19. Urbánková, E. Soupis prvotisků českého původu / E. Urbánková. – Praha, 1986. – XXII, 319 s.
20. Vobr, J. Kutnohorská bible – problém 1. a 2. vydání / J. Vobr // Miscellanea oddělení rukopisů a starých tisků Národní knihovny v Praze. – Praha, 1993. – Sv. 10/1. – S. 209–224.
21. Voit, P. Knihtisk 15. a 16. století. Verze 1.0. 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://sites.ff.cuni.cz/uisk/wp-content/uploads/sites/62/2016/01/Knihtisk-15.-a-16.-stolet%C3%AD\\_Voit.pdf](http://sites.ff.cuni.cz/uisk/wp-content/uploads/sites/62/2016/01/Knihtisk-15.-a-16.-stolet%C3%AD_Voit.pdf). – Дата доступа: 07.04.2017.
22. Voit, P. Výzdoba pražských hebrejských tisků první poloviny 16. století jako součást české knižní grafiky / P. Voit // Hebrejský knihtisk v Čechách a na Moravě. – Praha, 2012. – S. 123–152.
23. Voit, P. Český knihtisk mezi pozdní gotikou a renesancí. I. Severinsko-kosořská dynastie 1488–1557 / P. Voit. – Praha: Koniash Latin Press, 2013. – 464 s.
24. Voit, P. Výtvarná složka Skorinovy Bible ruské jako součást české knižní grafiky / P. Voit // Umění = The Art: časopis Ústavu dějin umění Akademie věd České republiky. – 2014. – Roč. 62, č. 4. – S. 334–353.
25. Voit, P. Mikuláš Konáč z Hodíškova: inspirace k úvahám o humanismu / P. Voit // Česká literatura: časopis pro literární vědu Praha. – 2015. – Roč. 63, č. 1. – S. 3–39.

